

Виктор ДЪЯКОВ

ОДНАЖДЫ В ЗУБАРИХЕ

ПОВЕСТЬ

Виктор Елисеевич Дьяков

Однажды в Зубарихе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30483320

SelfPub; 2018

Аннотация

Любовный треугольник эпохи "развитого социализма". Молодая не от мира сего колхозница Талька, мужеподобная внешне, тайно любит бригадира Николая. Николай пережил неудачный брак, будучи на "ударной стройке коммунизма". Разочаровавшись, он вернулся в родную деревню. Во время драки между бригадиром и подвыпившими мужиками, Талька спасает Николаю жизнь. Но Николай, уважая Тальку как человека и работницу, не в состоянии преодолеть физическое отвращение и полюбить её как женщину. Он любит ровесницу Тальки Лизу. Став невольным свидетелем любовного свидания Николая и Лизы, потрясённая Талька осознаёт, что у неё в этой жизни нет шансов быть любимой...

ОДНАЖДЫ В ЗУБАРИХЕ

повесть

Август 1966 года, ясное утро, маленькая деревня Зубари-ха с трёх сторон обступленная лесами. Бригадир Михаил Белый, тридцатилетний коренастый, русоволосый мужик лёгкой пружинящей походкой переходит от избы к избе, стучит в окна:

– Дядь Степан?... Сегодня на силос пойдёшь, а тётке Марье скажи как вчерась, лён теребить... Иван Сергеич?... Клевер возить, "Тумана" запрягай... Митяй?... На конные грабли... Настасья?... Как вчерась...

Раздавая наряды, бригадир в мокрых от росы сапогах дошёл до внешне ничем не примечательной избы: три окна с резными наличниками и ещё маленькое окошко светёлки над парадной двустворчатой дверью, под стрехой соседствовали ласточкино гнездо и дощечка с изображением ведра, означавшая, что обитатели данной избы обязаны в случае возникновения пожара, прибывать на место одного именно с ведрами... Наличники рассохлись, почти облезла с них краска, дранка на высокой остроконечной крыше давно уже стала пепельно-серой, как и тёс, коим обшит бревенчатый сруб – то была обычная довольно старая, требующая подновления изба, такая же, как и большинство прочих в Зубарихе. Пе-

ред избой три кряжистые ветлы, поодаль покосившийся колодезный сруб с маленьким навесом и тёмной цепью на вертушке...

Бригадир постучал в окошко, властным голосом позвал:
– Таль, а Таль!

Створки окна открылись сразу – Михаила тут ждали. Широколицая женщина в белом, с серой крапинкой платке, повязанном низко, на самые глаза, выглянула и вопросительно, не говоря ни слова, смотрела на бригадира. Первое впечатление, которое производила женщина, побуждало воскликнуть, или подумать: ну и орясина! Даже не наблюдая её в полный рост, а вот так, высунувшуюся из окна, нельзя не определить необычную для женщины физическую мощь. Не только лицо, но и плечи, ладони рук, всё сразу бросалось в глаза, всё было необычно крупным, широким, почти лишённым мягкой женской округлости, грубым даже по деревенским понятиям.

– Вот что, Таля, ты сегодня это... В общем, надо Егору Скворцову с Васькой Митиным пособить на клевере, – бригадир, до того само воплощение деловитости и уверенности, вдруг как-то засмутился, стал отводить глаза. Ему было явно неудобно наряжать бабу в помощь мужикам, да ещё на такую тяжёлую работу, грузить клевер. Но выбора у него, увы, не оставалось, ибо мужиков в деревне вообще насчитывалось не много, да и те не все годились к работе такого рода...

Зубариха невелика, всего-то тридцать шесть дворов, но мужики обитали далеко не в каждом. Война выкосила большую часть тех, кто к середине шестидесятых достигли сорока-пятидесяти лет, ну а Целина вкупе со всевозможными Ударными Стройками магнитом всесоюзного аврала притянули к себе более молодые поколения зубарихинцев. Так что основную часть населения деревни составляли женщины в возрасте. Вдовы потихоньку доживали свой век большей частью одни, даже если и успели до войны обзавестись детьми – война сгубила мужей, "пяtilетки" оторвали от них детей. Деревня стояла в стороне от большаков, больших дорог, кровеносных сосудов людского общения, а местные женщины того военного поколения совершенно не обладали способностью самостоятельно искать своё счастье по свету. Потому они покорно отдались во власть судьбы, обрѣкший их, без вины виноватых, на старение в одиночестве.

Вообще-то мужики в Зубарихе, конечно, имелись, особенно в промежутке между тридцатью и сорока годами. Им повезло с войной, на неё они не успели по малолетству, а вот для Целины оказались староваты – к тому времени, к середине пятидесятых, многие уже обзавелись семьями и не так-то просто было сняться с такого якоря и ехать куда-то осваивать просторы залежных земель. Но они, как правило, пристраивались при каких-нибудь машинах, трактористами, комбайнёрами, шоферами... Так что для тяжѣлых ручных работ оставались совсем уж никудышные, коим не доверяли

технику, или старики. А если учесть, что среди сорока и пятидесятилетних бывших фронтовиков имелось немало инвалидов, без рук, без ног, с осколками в лёгких..., то выбор кандидатов для погрузки того же клевера у бригадира был крайне ограничен. Так что в горячую пору, когда сразу наваливались уборка клевера, ржи, ячменя, тербление льна... Ну, что касается льна и зерновых, тут ещё, куда ни шло. Со льном, основной культурой колхоза, справлялись женщины, к тому же сдельная система оплаты позволяла привлечь к терблению и многих старух-пенсионерок. Рожь и пшеницу без особых хлопот убирала и обмолачивала комбайны, а вот с клевером получался завал. Ну, скосить скосили эту духовитую траву, столь лакомую для всякой травоядной скотины, конные косилки есть, лошади тоже, а вот как дошло до вывоза и закладки зелёной массы ... Грузить вручную, вилами целый день огромные возы – не каждый мужик для такой работы годен.

– Хорошо Миш, – с готовностью отозвалась Талька на наряд, глядя на Михаила из-под платка с несвойственной для её обычного тупо-угрюмого выражения потаённой грустью.

– Ну и лады, – не скрывая облегчения, вздохнул Михаил и тут же виновато пояснил. – Понимаешь, хоть сам вилы бери. Не сегодня-завтра дожди обещают, а у нас, вона, клевера целая прорва в копнах лежит и у Маленького Леска и на Новенькой.

– Да, я знаю Миш,– всё так же с грустью как бы поддержала бригадира Талька.

– Ну и лады... Таль, ты там не очень-то надрывайся и не молчи. Если лодыря гонять будут, мне пожалуйся, не бойся, я им выпишу,– Михаил погрозил внушительным кулаком.

Талька виновато и безнадежно улыбнулась одними губами, как бы благодаря за заботу, и в то же время давая понять, что никогда не воспользуется советом Михаила – она не умела жаловаться, может от того, что у неё никогда не было кому жаловаться.

– Ну ладно, побег я,– Михаил суетливо поправил серую с пуговкой посередине кепку и, не оглядываясь, поспешил к следующей избе, легко неся своё ладно сбитое тело.

2

Тальке, Наталье Пошехоновой весной исполнилось двадцать восемь лет, но смотрелась она куда старше. Её с детства усыпанное веснушками лицо, давно уже от работы в поле, солнца и ветров, приобрело тёмно-бурый оттенок и выделялось даже среди прочих обветренных лиц зубарихинцев. Впрочем, деревенские девки и даже некоторые замужние бабы всячески пытались убереечь свои лица от неизбежного потемнения, чтобы хоть как-то конкурировать с городскими, что каждое лето как пчёлы на цветник наезжали сюда к своим родителям и дедам. Зубариха не всегда была такой ма-

ленькой. До тридцатых годов едва ли не вдвое насчитывалось здесь жилых дворов, о чём свидетельствовали и старые полуразвалившиеся, заколоченные и постепенно растаскиваемые необитаемые избы и кое-где слишком большие промежутки между домами, где тоже когда-то стояли жилища. . . Не только Война и Целина со Стройками вырывали отсюда людей. В тридцатых многих отсюда выкорчевали с "корнем", целыми семьями. Раскулачивали, выселяли, другие бежали сами, кого, едва достигших совершеннолетия, отсылали устраивать свою судьбу в города родители. Тяжело и голодно было тогда, а город манил неведомым весельем, вроде бы лёгким хлебом, а если прозаичнее – требовал дешёвой рабочей силы. Та миграция отличалась от более поздних: в тридцатых ехали если не "по этапу", то в основном в большие города и не далеко, в Москву, Ленинград, в областной Калинин, или на худой конец в райцентр Бежецк. И вот теперь уже закрепившиеся в городах зубарихинские уроженцы наезжали к родне, служа чем-то вроде порывов свежего ветра в застоявшейся атмосфере местного бытия.

Так вот, как ни старались, что только не делали зубарихинские девчата: и молоком парным умывались, и заматывались платками до глаз, когда работали в поле, мазались без разбора кремами отечественного производства, завозимую в ближайшую торговую точку – ничего не помогало. Приезжие, среди которых, конечно, выделялись москвички и ленинградки, всё равно смотрелись и милее и белее лицами, не

говоря уж о руках. Талька от косметических потуг односельчанок была бесконечно далека, а платком заматывалась, чтобы не бросалось в глаза её чересчур широкое лицо и вообще, жила она своей, особой, непонятной, а потому и неприемлемой окружающими жизнью

Сколько она себя помнила, в их избе не было мужика, а жили они вдвоём с матерью. Отец умер в 1942, в госпитале от ран. Тальке шёл тогда четвёртый год. Мать, Пелагея Степановна Пошехонова, по-деревенски тётка Пелагея, вторично замуж, как и большинство зубарихинских женщин, овдовевших в войну, так и не вышла. Но в отличие, например, от её ровесницы Настасьи Белой, которая даже в старости сохранила остатки былой красоты, тётка Пелагея, смолоду носившая прозвище "жердина", для повторного замужества имела бы мало шансов даже при наличии потенциальных женихов. Рослая, но плоскогрудая, с острым конопатым лицом, к старости она превратилась в ходячую мумию. Муж её тоже был не видный, мелкий и слабосильный. Тем непонятнее, чьи гены участвовали в создании Тальки, так как росла она невероятно крупной и крепкой.

Родись она в городе, да попади на глаза хорошему тренеру, может быть и не видать Тамаре Пресс своих медалей и рекордов, тем более, по большому счёту, ничего особенного в физических данных той знаменитой метательницы начала шестидесятых годов не было. Другое дело более поздние, Чицова или Мельник, но, пожалуй, и с ними бы могла по-

спорить Талька. Увы, родилась она в деревне, да ещё в такой глухой, росла без отца, а в силу замкнутого, необщительного характера, и без подруг, а мать...

Болезненная, едва себя таскающая, но примитивно-хитрая и не испытывавшая никогда, не то что материнской любви, а, пожалуй, и вообще родственных чувств к единственной дочери, тётка Пелагея, по-своему смекнула, как с наибольшей пользой для себя использовать физическую мощь Тальки. Ничуть не мучаясь угрызениями совести, она переложила на неё постепенно, по мере взросления, всю домашнюю работу и мужскую и женскую. Загруженностью по дому объясняла она и то, что Талька после четвёртого класса перестала ездить в школу-семилетку, расположенную в большом селе Воздвиженском, центральной усадьбе колхоза. В школе с этим смирились спокойно – то ведь не единичный случай, к тому же учёба Тальке давалась трудно. А добраться по бездорожью до Зубарихи, проверить, что и как, и почему девочка не посещает школу, учительнице было не просто, да может и желания такого она не имела – всякие там подвижники, горящие на каком-нибудь поприще, это не более чем исключения, в основном ведь Землю населяют обычные люди.

К шестнадцати годам Талька настолько освоилась в доме с ролью мужика-бабы, что тётка Пелагея почти полностью самоустранилась от домашних забот. Примерно с той же поры Тальку и в колхозе нет-нет, да и привлекали для всякого ро-

да тяжёлых мужских работ, и постепенно это стало обычным делом. Никого уже не удивляло, что Талька по прозвищу "ломовая" ломит любую работу наравне, а то и лучше многих мужиков. Косить траву, колоть и пилить дрова, таскать мешки с зерном или картошкой, сорокалитровые бидоны с молоком, чистить вилами и лопатой огромные колхозные скотные дворы, ходить за плугом, то есть пахать... не говоря уж об обычной женской деревенской работе, такой как дойка коров, тербление льна... – она всё тянула без усталы, только год от года становилась всё шире и сильнее. Подсмеиваться над ней тоже стало обычным делом. Особенно усердствовали бабы и мальчишки. Про Тальку ходили всевозможные анекдотические байки далеко не добродушного содержания, типа, что у неё вовсе не бывает месячных, потому, как она не баба, а чёрты кто, или, что родила её тетка Пелагея не от своего хилого мужика, а от знаменитого до войны колхозного быка-производителя по кличке "Бушуй". До Тальки эти злые шутки то ли не доходили, то ли она просто не обращала на них внимания. Дни напролёт в работе, угрюмая, огромная, граблелаяпа дожила она до своих двадцати восьми лет.

Утром Талька поднялась как всегда, в пять, затопила печь, разожгла сложенные на манер сруба парами поперёк поляны. Потом пошла на скотный двор доить корову, спокойную холмогорку Зорьку. В шесть пастухи сгоняли коров и Талька, открыв большие скрипучие ворота, принимая меры предо-

сторожности, чтобы не выбежали овцы, выпустила Зорьку в общее стадо. Очередь овец настала в половине седьмого.

Дрова тем временем уже почти прогорели и на Тальку, когда она отняла печной заслон, пахнуло тугой силой жара. Быстро орудуя кочергой, она задвинула тлеющие остатки поленьев вглубь печки, туда, где скопились, ожидая очередной чистки, горки золы и древесных угольев и ухватом поставила в полукруглый зев печи чугуны с похлёбкой из вяленой баранины, пшённой кашей и водой – и завтрак, и обед, и ужин. Затем Талька поднялась на припорошённый соломой настил под насестом и, согнав несущек, собрала пяток яиц. Потом, наскоро ополоснув из ковшика испачканные в навозе босые ноги, прошла к окну и стала ждать... Едва услышала стук в окно и голос Михаила, она распахнула заранее расшпингалетенное окно...

Тётка Пелагея проснулась, когда Талька разговаривала с Михаилом, но продолжала тихо лежать на печи, прислушиваясь. Как только окно затворилось, она сразу заворочалась, болезненно закряхтела на своём печном ложе от, уже начавшего пробираться её сухие рёбра, тепла стгоревших поленьев. Талька молча собрала на стол. Обычно, тётка Пелагея дожидалась пока дочь позовёт её завтракать, после чего следовало бранное ворчание: куда в такую рань, никакого уважения к матери, вот помру...

Третий год пошёл, как вышла на пенсию мать, а вот по дому уже лет двенадцать как всё лежало на талькиных пле-

чах. Но тётка Пелагея, похоже, искренне этого не замечала и на манер испорченной патефонной пластинки повторяла изо дня в день, как и в те годы, когда действительно кормила тогда ещё маленькую дочь:

– Халда непутёвая, ни головой, ни руками ничего не умеешь... даром, что здоровая Федора выросла... ить трём свиным корму не разделишь... долголь ишшо на шее у меня сидеть будешь!?... Талька с этим настолько свыклась, что как бы и не слышала, не вникала в смысл произносимых матерью слов. Так как спешить тётке Пелагеи было некуда, то и завтракала она позже дочери. Талька успела съесть свою кашу, запить парным молоком и уже одетая намеревалась идти на работу. Тут её и задержала, наконец, слезшая с печи и сходявшая на двор, мать. Перед уходом дочери она обязательно устраивала ей, своего рода, контрольный опрос:

– Яиц-то, сколь севодни снесли? ... А ты всёль поглядела-то, чай под дальнюю жердину не лазила? ... Молока-то што так мало, неужто выдула столько? ... Ну, ты и прорва, на тебя не напасёшси, коровы скоро мало будет таку кормить. Хоть бы о матери подумала, я ить не ела ишшо... Куды нарядили-то? ... На клевер? И чево это он тебя туды опять ставит? ... Ох и дурищца ты, всё не знаю, да не знаю, больше и сказать-то ничиво не выучилась. Ты хоть для себя постарайси, колода непутёвая, не всё ж мне об тебе думать. Который раз говорю, не зевай дура, дождёшси вот так у окна сидючи, уведёт кака-нибудь молодка Мишку-то... Эх, да кто ж тебя воз-

мёт таку, до самой смерти моей, видать, на шее висеть будешь, халда бестолковая... Ты тама это, как на обед-то придёшь, на сараюшку слазь, крыша тама течёт. Чай сама видала, а сделать-то не догадаешься, всё тебе указуй. Когда своей-то головой жить начнёшь? Да дранки принеси, гвозди-то есть...

3

Михаил Белый вернулся в родную деревню в позапрошлом году, после десятилетнего отсутствия. Отслужив армию, он, как и большинство его деревенских сверстников, поехал не домой, а по комсомольской путёвке в Сибирь, на строительство крупнейшей по тому времени ГЭС. Работал там, по слухам, Михаил ударно, выбился в бригадиры, там же женился, но почему-то быстро развёлся, и вот ... вернулся. Случай беспрецедентный, ведь из деревни, кто так же срывался искать лучшую долю, никто ещё насовсем не возвращался. Другое дело в отпуски, погостить у родителей, порассказать о Большой жизни, похвастаться – таких было немало. Михаил же о своём пребывании в Сибири рассказывать почему-то не любил, потому в деревне о том периоде его жизни знали в основном по слухам, рождающим домыслы.

По возвращении, не проработал Михаил в родном колхозе и года, как его и тут выдвинули в бригадиры. Он не был рвачом-карьеристом, да для таковых Зубариха не слишком-то

привлекательная стартовая площадка. Просто с бригадиром в этой бригаде (то есть в Зубарихе, которая и являлась одной из бригад колхоза "Ленинский путь", объединявшим с десяток больших и маленьких деревень и сёл) с некоторых пор не везло...

Хоть и в стороне от дорог и в отдалении от центральной усадьбы располагалась деревенька, а вот поди ж ты, именно зубарихинец, сорокачетырёхлетний Сергей Иванович Пылаев выбился в замы председателя колхоза. То ли сумел как-то вовремя подсуетиться Сергей Иванович, то ли просто повезло ему, призванному в войска НКВД, прослужить всю войну вдали от передовой, и единственной "боевой операцией", в которой ему довелось участвовать, стало выселение чеченцев. Где-то всё-таки отличился в те годы Сергей Пылаев, и хоть вернулся домой почти без наград-побрякушек, но зато с наградой куда более весомой – партбилетом в кармане. А если к тому же добавить целые руки и ноги, не подорванное здоровье, то можно смело сказать – по настоящему повезло в сравнении с ровесниками Сергею Ивановичу. Наличие партбилета, тогда у единственного в деревне, и предопределило столь успешную карьеру Пылаева.

И вот, с тех самых пор, когда бригадой несколько лет лихо и шумно рулил Пылаев, благополучно ушедший затем на повышение, кого ни ставили на бригаду, никто больше двух-трёх лет на этой властной вершине местного масштаба удержаться не мог. И в окрестных деревнях и в самом Воздви-

женском колхозные кормчие тоже были не без греха. Да и кто ж удержится, не попользуется за счёт колхоза, раз до властишки добрался? В конце-концов, не Нагульновы с Давыдовыми сидели в правлениях девяноста девяти процентов советских колхозов, а обыкновенные люди, у коих имелись, и семьи, и прочие родичи со всеми вытекающими отсюда последствиями, да и по части выпивки, были они обыкновенные русские люди. Но зубарихинские бригадиры даже на этом "фоне" выделялись, стараясь поскорее "нахапать" на всю оставшуюся жизнь, либо на тот же срок напиться дармовой водки (её регулярно ставили за различные мелкие услуги рядовые колхозники и особенно пенсионеры), или то и другое вместе. И, конечно, появившийся вдруг в деревне малопьющий, обстоятельный Михаил, к тому же с опытом бригадирства на "Ударной Стройке Коммунизма", пришёлся как нельзя кстати.

Вопреки пессимистическим прогнозам молодой бригадир пока что довольно уверенно держал в руках бригадный штурвал. Конечно, во взаимоотношениях с мужской частью бригады полной идиллии быть не могло, зато его опорой стали женщины (более двух третей "личного состава"). Вежливый, обходительный – таким вся деревня помнила его с детства – он пользовался среди них неоспоримым авторитетом. Тому же способствовало и то, что не в пример своим предшественникам Михаил всегда был крайне деликатен при наряджении женщин на работу. Потому, назначая Тальку в по-

мощницы двум не больно радивым в работе мужикам, он испытывал неловкость, отлично осознавая, что, скорее всего, именно на неё придётся основная нагрузка.

4

Мужики, сорокалетний грузный тугодум Егор Скворцов и тридцатисемилетний низкорослый, но шабутной замухрышка Васька Митин, не выказали восторга от известия, что им в помощницы нарядили Тальку. И дело было даже не в том, что на троих с ней не сообразить. Если приспичит они могли и вдвоём и даже поодиночке напиться. Это в городах было модно троить, а в Зубарихе всё проще и даже можно обойтись вообще без денег. Привезти, к примеру, втихаря с полвоза колхозного сена бабке Устинье Черновой, известной на всю окрестность самогонщице, да и в долг бабка не отказывала. А с Талькой не любили вместе работать зубарихинские мужики потому, что рядом с ней они вынуждены были стараться вовсю – отстать от бабы не позволяла мужская гордость, а поспеть за ней не так-то просто.

Скошенный клевер собрали в копны раньше срока – ему бы ещё пару-тройку деньков полежать, посохнуть. Но с правления торопили, со дня на день обещали ливни с грозами, да и без того видно как "парит" земля, всё темней и массивнее облачность. Копны грузили на телеги, укладывали плотно и широко. Пять-шесть копён составляли воз. Егора с Васькой,

мужиками-работниками можно было считать лишь с некоторой натяжкой. Хотя и были они ещё далеко не старые, но кое-чего не додала им природа, и многое в этом плане усугублялось регулярным общением с низкокачественным "зелёным змием" производства бабки Устиныи.

Сначала, со свежими силами, по утреннему росистому холодку работа худо-бедно спорилась. Загрубелые ступни Тальки почти не чувствовали никакого дискомфорта от соприкосновения со свежескошенным клеверным полем, лишь изредка наиболее твёрдые и острые отростки доставляли некоторое беспокойство. Мужики работали обутыми, Егор в кирзовых сапогах, Васька в каких-то грубо сляпанных брезентовых ботинках.

– И как это тебе не колко?– неприязненно покосился на ноги Тальки Васька.

Талька молча продолжала орудовать вилами.

– Шкура наверное бычачья,– вновь подначил Митин, но получив в ответ всё то же безразлично-безмолвное манипулирование четырёхзубым орудием труда, сплюнул и в свою очередь остервенело вонзил в копну свои вилы.– Ну-ка держи, чево ты тама, чай уснул!? ... Утопчи, утопчи шибчей, нечева пустую телегу туды-сюды гонять,– закомандовал вдруг возчиком Васька, сам себя производя в неофициальные лидеры этой мини-бригады.

Талька подавала и подавала клевер, а потом, когда воз был нагружен и утоптан, подхватывала грабли и очёсывала его со

всех сторон, пока мужики отдыхали, покуривая в сторонке. Час от часу становилось всё жарче, облачность, в отличие от предыдущих дней выдалась небольшой и солнце, не встречая препятствия, припекало всё сильнее. Мужики постепенно выдыхались, не выдерживая взятого с утра темпа. Васька уже не покрикивал на возчиков, уже без залихватских криканий, с натугой подавал он клевер, цепляя вилами раз от разу всё меньше. Егор силой значительно превосходил Ваську, но до того он неповоротлив и неловок, настолько медлителен, будто родился с тягучим киселём в жилах вместо крови. К тому же для него, чрезмерно рыхлого, жара являлась первейшим врагом: тёмный пот выступил сквозь его тёмную сатиновую рубаху, струясь по лбу, застилал глаза, тяжёлое, взхлёб дыхание, свидетельствовало, что и он на пределе. Они избегали смотреть на Тальку, которая работала как машина, без усталости, монотонно, нанизывая сразу по четверти копны на вилы, а потом ещё вместо передышки очёсывала воз.

Бригадир приехал на своём "Ковровце" как раз в тот момент, когда раздевшиеся до потных маек мужики сидя перекуривали, а Талька бегала вокруг воза с граблями. Михаил в порыве возмущения сразу накинулся на куряк:

– Чё расселись-то, а!? Вона ещё сколь убрать надо! Чё подводы-то задерживаете, уже ведь дождь шибанёт!? Курить, что ли сюда пришли!?

– Умаялись, не вишь что ли... Это те не на мотоцикле разъезжать, сам спробуй раз здоровый такой!– зло огрызнул-

ся Васька, затапывая окурки.

– Умаялись?! Ах ты бедная, – передразнил Михаил. – А она, вона, чай не умаялась! Хоть бы совесть какую поимели, баба вкалывает, а оне развалились тут, курют...

– А нам всяка малохольная дура не указ! – орал срываясь на фальцет Васька. – Ей что, у ей чай ни мужика, ни детей, и не будет никогда, у ей чай и в жисти-то окромя этой работы ничего нету, может ей тута продых от каторги, что дома-то ей Пелагея устроила! А у нас друга жисть, человеческа, понимаешь, али нет, у нас дома бабы с робятами!

Васька, плюгавый, невзрачный, тем не менее, не редко распялялся и становился по-настоящему опасен, не раз в пьяных драках с успехом компенсируя злостью и остервенением недостаток физических кондиций. И сейчас он говорил и смотрелся настолько убедительно, что со стороны, у людей непосвящённых, не могло возникнуть сомнений в его правоте. С фундаментальной убеждёностью он заключил:

– Нам и для их, для баб своих здоровью поберечь надо, и робят на ноги ставить. Кто их кормить-то будет, ежели околеем, тута надорвавшись?

– Эт верно, – раздумчиво согласился с Васькой Егор и посмотрел на бригадира как степенный семейный мужик на неоперившегося холостого юнца.

Михаил, не ожидавший такой отповеди, на мгновение опешил, но тут же оправился и с беспокойством глянул в сторону Тальки: слышала ли. Конечно слышала, ведь этот пси-

хованный так орал. Талька, однако, не подала виду, продолжая невозмутимо угребать только что очёсанное сено. "Наверное не поняла", – неуверенно подумал Михаил и тут же по-армейски, в приказном порядке оборвал дебаты:

– А ну, кончай баланду травить, вилы в зубы, вперёд и с песнями! Ещё раз увижу, что она работает, а вы курите, по трудодню сыму!

Тон и решительный вид бригадира подействовали моментально. Мужики хоть и нехотя, но довольно проворно взялись за вилы, и, чертыхаясь, пошли к очередной копне, возле которой стояла подвода, а возчик, сунув лошади под морду ворох клевера, прилёг в тени той копны, с интересом наблюдая за перепалкой.

Где-то ближе к полудню, когда солнце в союзе с влажностью образовали весьма чувствительную духоту, мужики, так и не дотерпев до обеденного перерыва, побросали вилы и, объявив большой перекур, повалились в тень под копну. Подъезжавшие возчики тоже без особого сожаления покорились обстоятельствам.

Не в пример большинству ударниц и ударников, из тех, кто по молодости лезли в передовики, в надежде, что это позволит им в обозримом будущем навсегда расстаться с постылым физическим трудом, стать каким-нибудь делегатом и всю оставшуюся до пенсии жизнь ездить на съезды, слёты, делиться опытом... а ещё лучше пробиться в какое-нибудь

начальство... Нет, Талька всей этой незамысловатой житейской хитрости времён социализма не ведала. Просто самая тяжёлая работа давалась ей сравнительно легко, ведь она была невероятно сильна и вынослива. И ещё, с малых лет она стеснялась сама себя, своего роста, силы и потому инстинктивно старалась, как можно меньше обращать на себя внимание. И сейчас она осталась верна себе: как только мужики завалились под копну, она тоже кончила работу. Но чтобы не терять зря времени решила сбегать втихаря, пока мужики дремлют, разморенные полуденным маревом, в находящийся рядом метрах в ста от клеверного поля Маленький Лесок, небольшой лиственный-хвойный островок, омываемый со всех сторон гладью полей и покосов. Пятнадцати-двадцати минут Тальке обычно хватало, чтобы насобирать в платок полтора-два десятка подосиновиков и боровиков.

5

В Леске уже были грибники. Отдыхающие горожане, только они могли позволить себе роскошь пойти по грибы в самую горячую пору полевых работ.

– Смотри, Талька Ломовая идёт! – тревожным шёпотом сделал сообщение своему брату мальчик лет двенадцати, одетый по городскому, в яркую цветную рубашку, спортивные штаны и кеды. Его младший брат-погодок, отвечал, переняв ту же тревогу:

– Бежим маме скажем, а то она все грибы соберёт...

Ещё один талант Тальки, быстро собирать самые разные лесные плоды, тоже не вызывал восхищения у односельчан, как и её необыкновенная работоспособность. Она всегда что-нибудь приносила из леса, даже когда прочие грибники и ягодники возвращались пустыми. Те неудачники объясняли это чаще всего именно так: там перед нами Талька прошла, да всё и выскребла.

Мальчишки добежали до матери и наперебой спешили сообщить:

– Мам... мам! Там Талька Ломовая пришла... она... она все грибы тут сейчас соберёт, нам ничего не оставит, она всегда так делает!

– А ну тише!– прикрикнула на них мать.– Как вам не стыдно, какая ещё ломовая, разве так можно?

– Да её все так в деревне зовут, говорят она малохольная...

– Тише я вам сказала, перестаньте нести чушь!– вновь решительно перебила она сыновей.

Женщине было тридцать пять лет, коренная ленинградка, она за исключением эвакуации, которую пережила будучи маленькой девочкой, никогда до этого лета за пределы родного города не выезжала. В Зубариху, на родину своего мужа, она приехала впервые и никак не могла свыкнуться с местным жизненным укладом. Другое дело её сыновья, они на редкость быстро адаптировались к зубарихинской действительности, и месяца пребывания в гостях у бабушки им

вполне хватило, чтобы быть в курсе основных событий, происходящих в деревне.

Маленький Лесок невелик, разойтись в нём сложно и они встретились примерно минут через десять, после того, как Тальку впервые увидели мальчишки. Рассеянная, расслабленная ленинградка (куда ей спешить-торопиться) обзревала окружающую благодать: в лесу прохладно, сухо, солнечный свет просвечивал густую листву, создавая особый мягкий с изумрудным отливом световой фон, птицы неназойливо пели и щебетали, нечто вроде соло на барабанах исполняли дятел, добывая из-под коры деревьев питательных для него мошек...

Женщина с сыновьями за два часа хождения по лесу нашли не более десятка подосиновиков и подберёзовиков, да несколько чахлах сыроежек. Талька, успевшая за десять минут обшарить лиственную часть Леска обнаружила в траве, под опавшими листьями и во мху, одних красношапочных подосиновиков больше десятка и почти столько же коричневоверхих обабков (так в тех местах звали подберёзовики). Сыроежки она брала не все под ряд, а только молодые и крепкие, годные для соленья, с той же целью были найдены и уложены в платок четыре больших груздя и несколько средних волнушек.

Особенность Маленького Леска заключалась в том, что он кроме лиственной части, составлявшей примерно три четверти его площади, имел ещё и хвойную елово-сосновую

часть, небольшой сухой бор. Здесь в тёмно-рыжей опавшей хвое прятались грибы, что всегда являлись желанной мечтой любого грибника, боровики – белые грибы. И только Талька собралась приступить к скоростному "прочёсу" и этой части Леска, уже издали заприметила семейство толстоногих боровичков, пытавшихся использовать в качестве прикрытия куст духовитого богульника, вызывающего пьянящую головную боль... Тут-то она и увидела всё питерское семейство. Мальчишки, чистенькие, по городскому аккуратные, в сравнении с босоногой, одетой преимущественно в чёрный или синий сатин деревенской ребятнёй, Тальку не заинтересовали, зато женщина...

Приезжие горожанки всегда отличались от местных зубарихинских женщин, хоть большинство из них имели местные корни. Но даже они, бывшие зубарихинские девчата, попав в города, буквально за несколько лет приобретали какой-то особый городской лоск. Большую роль, конечно, играла одежда. Благодаря ей, городским платьям, юбкам, кофточкам, купальникам, невиданному здесь белью... новоиспечённые горожанки смотрелись, что называется, на порядок лучше своих бывших подруг-односельчанок. Но не только одежда определяла тот лоск, многие становились в городах какими-то не по-деревенски холёными, ухоженными, менялась их речь, поведение. Впрочем, далеко не всегда это означало, что новые горожанки становились культурнее и воспитаннее. Форсящие перед деревенскими модными обнов-

ми и причёсками, обитательницы барачных и фабричных общежитий иной раз, выдавали такие образцы "гегемонского" хамства и похабщины, что вгоняли в краску даже первых деревенских нахалюг и матершинников обоего пола.

Ленинградка среди приезжих являлась, пожалуй, единственной коренной горожанкой. Тонкая и изящная, в светлой соломенной шляпке, полосатой лёгкой кофточке, подогнанных по фигуре тёмных брюках и маленьких белых босоножках, одетых явно по неопытности, незнанию, что лес и парк это не одно и то же... Она, наверное, испугалась, увидев следящую за ней темнолицую Тальку – просторная грубоотканная льняная рубаха бело-серого цвета, широкая, мешком пошитая юбка, делали её ещё более объёмной и бесформенной.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась, оправившись от первоначального испуга, ленинградка и тут же приказала детям, – А ну-ка поздоровайтесь, как вам...

– Здравствуйте, – еле слышно, хоть и одновременно выдавили из себя мальчишки.

Талька кивнула в ответ, не сводя глаз с женщины, дивясь её неземной легковесности и хрупкости. Глядя на малюсенькие босоножки ленинградки, она участливо произнесла:

– У нас тут змеюки бывают, во мху хоронятся и коряги острые, ноги-то пораните, тут сапоги надобно одевать.

– А как же вы, совсем босая? – удивлённо спросила женщина и её голос срезонировал куда-то вверх, звонко, к вер-

пинам прямых высоченных сосен.

– Я то, чай, привышная, у меня шкура толстая, а вот вы... И туфельки, такие красивые замараете,– с ласковой жалостью проговорила Талька и быстро пошла прочь, так и не сорвав боровиков, думая что-то своё, провожаемая изумлёнными глазами женщины и её сыновей...

6

До обеда дотянули кое-как. Мужики, не обращая внимания на Тальку, держали невысокий темп, время от времени о чём-то тихо переговариваясь. На обед поехали с последним возом. Талька отказалась лезть на воз с мужиками, на что Васька сквозь зубы презрительно процедил:

– Никак стесняшься? Да кто ж тебя шшупать-то возьмётся, тама чай всё одно, что стенка бетонна в силосной яме?

Талька, широко шагая по тропке в желтеющем овсяном поле, вышла прямо к колхозной ферме, расположенной параллельно деревни напротив центрального выгона. Сосед Пошехоновых дед Иван Корнев, вернувшийся с молокозавода, сгружал с телеги порожние молочные бидоны.

– Здравствуй Таля,– ласково поздоровался дед.

– Здравствуйте дядя Иван...

Деда Корнева в Зубарихе тоже считали не вполне нормальным за его неестественную доброту к окружающим и в

особенности к детям. Настоящий же патологией считалось то, что он совершенно не делал различий между своими детьми и чужими. Особенно доставалось ему за эту характерную аномалию от собственной супруги, тётки Ириньи, сухой и жилистой старухи. Во зле вспоминали о том, как о вредной причуде отца, и уже взрослые дети, давно перебравшиеся на жительство в Москву. Доставалось ему за свою "слабость" и по сей день:

– Ах ты разедай старый, опять все конфеты раздал, своих внуков сколь наехало, а он чужим на улице всё скормил! – так шумела на мужа бабка в последние годы. Примерно также, но имея в виду не внуков, а детей в двадцатые и тридцатые. Но ничто не могло изменить Ивана Егоровича – одаривая первых встречных ребятишек гостинцами, кои он привозил всё равно когда и откуда, он испытывал какое-то неведомое окружающим удовольствие, видя как те радуются, прячут за пазуху, даже забывая поблагодарить... В эти моменты у него как будто отшибало разум – ведь делал добро за счёт своих собственных детей или внуков.

В своё время чудак дядя Иван также жалел и Тальку, ровесницу его младшей дочери Лизы, жалел, пожалуй, даже больше прочих. Зная слабость дяди Ивана, многие деревенские дети в те, опять же голодные, послевоенные годы в наглую, бессовестно выклянчивали у него гостинцы, даже если происходили и не из бедствующих семей. Талька же никогда не смела подойти и попросить, хоть и была сирота и нелю-

бима матерью, а следовательно не знала ни конфет, ни пряников. И тут какое-то подсознательное чувство помогало на короткое время прозреть постоянно облопощенному простаку Ивану Егоровичу, словно чувствовал он в этой большой, нескладной соседской девочке родственную душу. Ведь они так нечасто случаются в людском море, представители этого особого подвида гомо-сапиенс – чудаки безвредные, добрые. Впрочем, люди в своей массе испокон безвредность и доброту определяют как слабость и травят, преследуют таких с удовольствием, с охотничьим азартом, вспоминают о таких с презрением и смехом. Другое дело чудаки вредоносные, злые, ООО ! ... Таковых, впрочем, чудаками и не считают и над ними, как правило, не смеётся, не издевается наиболее активная часть человеческого большинства, случается даже совсем наоборот, их уважают, возвышают над собой, идут за ними... Конфеты и пряники дядя Иван давал Тальке без её просьб, чем вызывал особо бурную реакцию жены:

– Ах ты дурень несклёпистый, ей-то зачем дал, она ж и не просит тебя, куды ей ишшо жрат-то, ты глянь у ей морда кака, а своя-то дочь чуть жива, как шкилетина ходит!– возмущалась тётка Иринья где-то в году пятьдесят втором, кивая на худенькую заплаканную Лизу, которой отец еле донёс всего какую-то пару пряников.

На ферму Талька зашла для того, чтобы взять немного дранки для починки крыши на своей сараюшке, чему с утра

её наставляла мать. Свежую дранку сложили под навесом во дворе перед фермой. В обеденный перерыв здесь никого не бывало, а дед Иван видимо почему-то задержался на молокозаводе и вернулся позже обычного. Он бы конечно никому ничего не сказал, увидев, что Талька берёт колхозную дранку, тем более, что взять её, или купить больше негде, потому и брали её все кому не лень для личных нужд, а то и без нужды, про запас. Но Талька стеснялась делать это при посторонних. Она спряталась в близлежащих кустах, и дождалась пока дед, выгрузив все свои бидоны, погнал телегу в деревню. Только тогда Талька решилась, воровато оглядываясь, схватить стопку дранки и сунуть её в узелок с грибами, после чего скорым шагом, задами дошла до своего огорода...

Мать с порога сделала ей выговор:

– Ты эт чё припозднилась-то, а?

Талька молча развязала платок.

– Ты чё молчишь-то... дранки принесла, аль забыла?

– Принесла,– негромко ответила Талька, проходя к печи и берясь за ухват.

– А идеж она?– тётка Пелагея коршуном кинулась к узелку и стала перебирать грибы.

– В сараюшке бросила... Куда грибы-то, может пожарить с картошкой к ужину?

– Тебе бы только жрать!– незамедлительно возмутилась Пелагея.– А в зиму-то што исть будем?... На сушку их.

– Да пошто сушить-то, вона с прошлова году два мешка лежит?– беззлобно возразила Талька, ставя на стол чугуна с похлёбкой.

– Ты потрепися у меня ишшо! Не дал бог ума, так делай што мать велит,– подвела итог спору Пелагея.

Вообще-то, где-то там, в глубине, в потёмках своей души, она была довольна, что Талька не пустая пришла с работы. Но ввиду того, что давно не говорила дочери доброго слова, то уж и забыла, как это делается.

С утра протопленная печь хорошо держала жар. Баранья похлёбка была горяча, почти обжигаяща. Талька разлила её по жестяным мискам поровну себе и матери. Пелагея неизменно обижалась, если подозревала, что ей наливают меньше. "Что куска матери жалеешь?" – не упускала тогда она возможности попрекнуть дочь, хотя пищи ей, конечно, требовалось куда меньше чем дочери. Талька скоро управилась со своей похлёбкой и терпеливо ждала пока мать, елозя деревянной ложкой по миске, и шамкая беззубым ртом, с трудом осилила около трети своей порции.

– Што-то и хлёбово разучилась ты варить, в рот не лезить. Тебе-то вона, чай всё равно, всё на пользу, а я вот уж не могу так-то, таку еду исть,– Пелагея с отвращением отодвинула миску.

Талька ни слова не говоря, перелила к себе и доела за матерью, и в те же миски наложила холодной утрешной каши, залив её молоком. И каша, и последовавшее за ней третье,

опять молоко, только кислое, стяхлиха, всё матери не нравилось и исправно доедалось Талькой.

Пока Пелагея кряхтя и стеная забиралась на своё тёплое ложе для послеобеденного сна, Талька достала из печи чугуна с горячей водой и наскоро перемыла посуду. Затем поспешила в огород чинить крышу на сараюшке. Когда она с молотком, гвоздями и дранкой, по шаткой, ещё отцом деланной и ей не раз чиненной лестнице забралась на крышу, то увидела с птичьей высоты свой и все близлежащие огороды, море разнообразной растительности щедро политой солнечным светом. Но не привычное благоуханное царство огородной флоры привлекло внимание Тальки, а конкретно соседский огород и Лиза, младшая дочь Корневых. Она только что искупала своего двухгодовалого сынишку в корыте с нагретой водой и малыш, уже насухо вытертый и абсолютно голый резвился на большом цветном одеяле, издавая какие-то плохоразличимые звуки. Сама Лиза в экзотическом для Зубарихи одеянии, в купальнике, тёмных очках и белом шёлковом платке, предохраняющим от солнца голову, стояла рядом и загорала, бдительно кося, время от времени, глаза из под очков на сынишку.

Талька и Лиза хоть и ровесницы, но подругами не были никогда. У крайне необщительной молчуньи Тальки подруг

как таковых не было вообще. По жизни их пути совсем разошлись после окончания четвёртого класса начальной школы. Тальку мать закрепостила дома и больше в школу не пускала, а вот Лизу, в отличие от её старших сестёр и брата, родители баловали, и решили младшую во что бы то ни стало, но выучить. Дядя Иван и тётка Иринья могли это себе позволить, к тому же, "ставили на ноги" Лизу в некоторой степени для очистки совести – своего старшего сына и родившихся вслед за ним трёх дочерей они выпускали в "свободное плавание" без средств и самое большое с теми же четырьмя классами. И, конечно, попав в город, нахлебались старшие дети лиха полными ложками. То были тридцатые-сороковые годы и пристраиваться поначалу им приходилось в прислугах, няньках, потом фабрики-заводы, мытарились десятилетиями в общагах-бараках, довелось и холодать и голодать и фронта, сын настоящего, а дочери трудового накушались досьга.

А вот Лизе, не в пример старшим, повезло. Она родилась, когда уже завершились все преобразования и раскулачивания, всё утряслось и немного устоялось. Отца, Ивана Корнева, благодаря врождённому плоскостопию не взяли ни на одну войну, на которых косяками выкашивало и калечило его односельчан. Ну, а добрая, неvspылчивая натура его помогла пережить все перипетии раскулачивания и прочих передряг. Спокойно, как нечто ниспосланное свыше, воспринял он необходимость расставания с тем, что тогдашние началь-

ники посчитали излишком в его середняцком хозяйстве. И в колхоз отец вступил сразу без проволочек, и вообще все веления начальства выполнял в точности, чем избежал репрессий и гонений. Но вот старших детей одного за одним пришлось отправить в город на собственный прокорм – уж до того стало трудно в Зубарихе в те первые колхозные годы, что большим семьям кормиться оказалось совсем невмогуту. Каким ни был Иван Егорович чудачком и простаком, но мужик в доме, да не калека, это по военному и послевоенному времени много значило. Потому и выросла Лиза по зубарихинским понятиям во вполне благополучной семье, без тесноты и взаимной брато-сестринской неприязни. Таковая нередко случалась в больших семьях, где младшие донашивали вещи старших, где случались препирательства, взаимные обиды, обиды на родителей... Нет, Лиза всего этого уже не знала – она родилась намного позже своего брата и сестёр, а росла когда те уже покинули родительский кров.

Лиза благополучно и с хорошими отметками закончила семилетку в Воздвиженском и уже по проторенной дорожке устремилась в Москву. А там ей помогли брат и сёстры, материальная поддержка шла и от родителей. В Москве Лиза не потерялась. Проанализировав горький опыт старших, она сумела разобраться в уйме советов и пошла учиться на повара. Дальше больше, приобретя профессию и начав работать в простой столовке, она поступила по тому же профилю в вечерний техникум, потом, как говорится, покатило само:

столовку сменила на кафе, кафе на ресторан, вышла замуж за москвича, справила новоселье, родила сына... В общем, к двадцати восьми годам по деревенским меркам Лиза имело очень много: московскую прописку, семью, благоустроенную квартиру с обстановкой, добычливую работу...

Прилаживая прямоугольнички свежей дранки вместо старых разохшихся, Талька боковым зрением наблюдала за Лизой. Та выглядела раскованно-вальяжной, уверенной в себе москвичкой. Особенно разительные перемены во внешности Лизы произошли в последние три года после замужества. Именно за это время она, до того довольно худенькая, налилась барской холёной полнотой, которой обычно отличались горожанки живущие в достатке и работающие не тяжело.

Лиза обернулась на стук молотка и, приподняв очки, смотрела на сидящую на крыше Тальку. Давным-давно ещё при крепостном праве наезжая изредка в одну из своих малых вотчин, Зубариху, воздвиженская помещица рассматривала из кареты работающих в поле крестьян через лорнет. Про то время, рассказывал со слов ещё своего деда Лизе отец: "Важная была барыня, красивая, гладкая, в платье богатом и в шляпе с перьями. Бог в помощь, говорит, и в лорнетку на нас глядит. Ну, мужики шапки долой, бабы грабли побросали, до земли ей кланяются, на нас мальцов шикают, если рты раззявив стоим. Спасибо, говорят, доброго здоро-

вия матушка барыня..."

Кем-то вроде той барыни чувствовала сейчас себя Лиза, загорая в огороде родительского дома, слыша с улицы, с выгона, как что-то делают, куда-то торопятся все эти, так и не постигшие науки пристроиться в жизни поудобнее, её бывшие односельчане. Она с детства познала сельский труд и теперь, имея возможность сравнить, точно знала, насколько он тяжёл и неблагодарен. Она знала, как нелегко два раза в день выдоить даже одну корову, видела во что превращаются руки доярок, выдаивавших на колхозной ферме по много коров... знала как ранят, впиваются в кожу стебли льна, когда его теребят вручную, выдирая с корнем из земли, связывают в сноп и этим снопам нет числа... знала, что такое ходить за скотиной, чистить хлев и всё это изо дня в день, всю жизнь. Она знала и то, что у колхозников фактически не бывает отпусков и большую часть года выходных, а их дети в развитии неизбежно отстают от городских, ибо их мировоззрение ограничивается теми же огородами, приусадебными участками, хлевами...

Знала всё это Лиза и сейчас, подставляя ласковым лучам своё покрывшееся молодым, лёгким жирком тело, она не могла не испытывать удовлетворения собой, осознавать себя умной, ловкой... имеющей возможность по-барски понежиться, когда кругом все монотонно и тяжело работают. Пусть она сейчас просто в отпуске, но всё равно, уж кто-кто, а она-то знает, что в городе мало кто живёт так же бедно и

скучно, а работает так же тяжело и надрывно как в деревне.

И в свои шестьдесят семь необыкновенно лёгкая на ногу тётка Иринья не вошла, а влетела, хлопнув калиткой в огород, предупредить Лизу, что после обеда выходит в поле на теребление льна. Выйдя на пенсию, тётка Иринья, в отличие от мужа, постоянно в колхозе не работала, всецело отдаваясь личному хозяйству. Но когда подходила пора теребить лён её приглашали персонально, так как была она в этом деле непревзойдённой мастерицей и одна стоила по меньшей мере двух прочих средних теребильщиц. Свою полосу она теребила с такой скоростью, что к концу дня далеко опережала других работниц, в том числе и молодых.

– Лиз, ты ворота-то открой как овец пригонют, а то оне ноне блудливые, мимо пробегут. Корова та сама взойдёт,– сороговоркой наставляла она невнимательно слушающую её дочь.

– Да сделаю я всё мам, не впервой,– с признаками неудовольствия отвечала Лиза.– И что тебе за нужда такая с этим льном волыниться?

Лиза совсем не одобряла порывов матери пластаться в поле за какие-то шесть рублей за тысячу снопов. Но что для неё копейки, для матери, жадной как до работы, так и до денег, являлось весьма немалым приварком к нищенской колхозной пенсии. Да и что такое для тётки Ириньи тысяча снопов, сто домушек – сущая ерунда.

– Что ты, рази ж можно, ведь просют, да и то ж тебе не трудодень, живые деньги, оне на дороге не валяются,— отмахнулась тётка Иринья.

– Ну, как знаешь. Только мам здоровье оно никаких денег не стоит. Когда воротишься-то?

– Дык как получится, ежели припозднюсь, за стол без меня садитесь... Да сыми ты енти очки-то, как шпиёнка какая, прям чужая, я и подходить-то к тебе боюсь...

Вроде бы с укором выговаривала тётка Иринья, но не могла скрыть при этом откровенного любования дочерью, превратившийся по местным канонам в настоящую красавицу. И вообще Лизой, своей последней, любимицей она гордилась, особенно сейчас, когда она так удачно сумела устроить свою жизнь в Москве. Смотрела на неё тётка Иринья и радовалось материнское сердце, смотрела на внучка и ...

– Ты смотри, смотри, Сашка-то у тебя куды полез!– тётка Иринья подхватила и с ловкостью заправского футболиста делающего финт обежала, снявшую, наконец, очки, дочь, кинулась к внуку и, перехватив его у самого куста крыжовника, вернула на одеяло.— Господи, обдерётся ведь, или того хуже, глаз выколет.

Ещё не больно-то научившийся выговаривать слова внук без воя покорился судьбе и, усевшись на отведённом ему во владение участке, ограниченном размерами одеяла, стал терпеливо дожидаться следующего удобного момента, чтобы совершить очередной побег голышом.

– Да ладно мам, пускай хоть тут босиком по траве побегают, там-то у нас негде.

– Ох девка, сразу видать, што робят-то ишшо не хоронила, раз така спокойная,– с укоризной намекнула мать, что одна из сестёр Лизы не дожила и до года. Только махнула на дочь рукой и быстрым нырком сунулась к кусту, сорвать для внука ягод, дабы не тянули они его как магнитом к колючим ветвям, чего занятая разглядыванием Тальки Лиза сделать не догадалась.

Лиза тем временем вновь не удержалась и взглянула на крышу соседской сараюшки. То, что она увидела вызвало её сдержанный, негромкий смех:

– Мам, глянь-ка, видишь на крыше Талька... ха-ха...– Лиза сотрясалась начавшими розоветь на солнце плечами и поднятой купальником грудью, указывая на крышу сараюшки.

Тётка Ирinya, нарвавшая почти полную горсть, то бишь большую, прожаренную полевым солнцем тёмную клешнеобразную ладонь со вздутыми страшными венами, отборных крыжовин, метнула свой дальнзоркий взгляд в указанном направлении. Но потешный вид Тальки, в раскоряку распротёртой на крыше в попытке подобрать обронённый гвоздь не вызвал у неё улыбки, напротив её аскетическое, испещрённое старческими морщинами и складками лицо, приняло, мягко говоря, недоброе выражение.

Тётка Иринаья ненавидела Тальку. Соседей она недолюбливала всегда, и Тальку тоже с самого её детства. А сравнительно недавно добавилась ещё одна немаловажная причина, после чего неприязнь к соседской дочери возросла прямо-таки в геометрической прогрессии.

Случилось это пять лет назад, когда однажды по чистой случайности полосы льна Тальки и тётка Иринаьи оказались рядом. Талька, не любившая выделяться, и когда теребила лён, старалась не выпадать из "толпы", не "урывать" вперёд, и уж ни в коем случае не отставать. Но здесь она по тугодумству не сообразила, что как раз от тётки Иринаьи надо бы отстать, а не "приклеиваться" к ней, как велосипедист к лидеру. В тереблении льна главными факторами являются ловкость, выносливость и крепкая поясница, чтобы не уставала наклоняться, да снова разгибаться. Тётка Иринаья никак не ожидала получить достойную соперницу в лице такой, вроде бы, неловкой и тяжеловесной девки. Но, заметно уступая в ловкости и опытности, Талька обладала "железобетонной" поясницей и, конечно, далеко не женскими по силе руками. В тот день, наверное, впервые за всю свою трудовую деятельность сухая, костистая тётка Иринаья, в которой, казалось, не было ни грамма влаги, взмокла, работая в бешеном темпе, пытаясь во чтобы то ни стало оторваться от Тальки. Все остальные теребильщицы на солидном расстоянии внимали этому необычному соревнованию, которое так и завершилось вничью. После того случая тётка Иринаья по-

ставила перед тогдашним бригадиром вопрос ребром: чтобы рядом с ней и поблизости во время теребления никогда не ставили Тальку. В противном случае она пригрозила вообще не выходить на лён. Просьбу заслуженной теребильщицы уважили, тем паче талькины способности значительно чаще находили применение на иных участках – лён всё-таки считался чисто женским занятием.

– Ишь куды её занесло, чай всю сараюшку развалит, кобылишша, – с желчью в голосе отозвалась тётка Иринья, наблюдая за Талькиной деятельностью на крыше. – А ты Лиз, лучше в избу ступай, на вот ягод помой и робёнка забери от греха, – вдруг совершенно неожиданно для дочери предложила мать.

– А это ещё зачем, что мне её стесняться? Она сама по себе, я сама, – воспротивилась Лиза.

– А затем, нечча тут голой скакать, сглазит ишшо ведьма малахольная, сухоту нагонит, и на Сашеньку порчу каку нашлёт.

– Ты что мам... скажешь то же. Какая же она ведьма, Талька-то, что ж я не знаю её?

– А я говорю ведмища, и мать её тож, – с тупым упорством держалась своей версии тётка Иринья.

– Да, ну тебя мам, – отмахнулась Лиза и плавно покачивая бёдрами заспешила к сыну, который вновь воспользовался моментом, покинул пределы одеяла и с шумом принялся

преследовать невесту каким образом появившегося в огороде цыплёнка...

8

После обеда облачность сгустилась, и жара чуть спала, временами даже потягивал освежающий ветерок, впрочем, влажность всё равно оборачивалась духотой. Работа не пошла быстрее. Мужики орудовали вилами кое-как, время от времени отлучаясь к одной из дальних копен. Зачем они туда ходили, выяснилось довольно скоро: у мужиков, в первую очередь у Васьки глаза вдруг стали походить на горящие уголья, в то же время, и у одного, и второго движения становились всё более неловкими, несинхронными.

Одной бутылки, конечно же, оказалось мало. После короткого совещания с Егором, Васька подошёл к одному из возчиков, одноногому инвалиду Евсею Маклюшину и на ухо сделал заказ. В следующую езду Евсей привёз страждущим ещё "поллитру" самогона, великодушно данную бабкой Устиньей в долг, так как денег при себе ни у Егора, ни у Васьки не имелось – их бдительные жёны таких промахов никогда не допускали.

Талька молча, исподлобья наблюдала, как соловеют мужики, как быстро снижается их и без того небольшой КПД. Прикончив вторую бутылку, Васька с Егором как прилегли на перекур, так уже и не встали. Как Талька ни упиралась,

но темп погрузки совсем упал. Собралось уже несколько порожних телег, а возчики, среди которых находилась и одна возчица, посмеиваясь, обсуждали прикемаривших во хмелю Ваську и Егора, да подначивали с издёвкой упревшую Тальку.

Именно задержка вozов с клевером, вновь привела Михаила на этот покос. Его мотоцикл, взывавший от подачи газа на подъёмах и сыпуче-песчаных участках просёлочной дороги, возчики слышали издалека.

– Мишанька едет, бригадир!– многие из мужиков, конечно, не испытывали восторга от того, что над ними поставили бригадира, которого они, уже будучи взрослыми, помнили бегавшим по деревни босоногим пацаном.

– Да, чё он им сделает-то, поорёт да закроется... Эй Тальк, потолкай мужиков, а то он им того, по трудодню сымет!

Талька, что называется, и ухом не повела, продолжая вздывать клевер на очередной воз.

– Эй ты, ломовая, оглохла штоль?!– это уже кричала курносовая Катерина Мельникова, сорокалетняя любительница попеть полупохабные частушки и имеющая очень доброе сердце касательно хмельных и пьяниц вообще (довольно распространённое на Руси явление пороком и чудачеством не считающееся). Однако и после её окрика ничего не изменилось, Талька продолжала невозмутимо махать вилами.

– Ах ты колода непутёвая!...– посылая скорострельную очередь ругательств и злобные взгляды в потную талькину

спину, Катерина кинулась к похрапывающим в своё удовольствие Ваське и Егору.— Мужики, эй!... Вась, вставайте, бригадёр вона едет, слышь мотоцикл тарыхтит... Ну, вставайте же, чай ругаться будет!

— За зря Катък трясешь... только грыжу наживёшь ха-ха... Их теперь и с артиллерии не разбудишь... Вот ежели ещё чекушку, а так всё, амбец, никто им не указ... ха-ха, ни царь, ни бог, и не герой...— весело реагировали возчики на бесплодные попытки Катерины растолкать пьяных.

Михаил сразу понял в чём дело. Отстранив Катерину, он заорал срывающимся голосом:

— А ну ссуки... вставайте!!

Опыт горлового воздействия Михаил имел. Его уже не впервые выдвигали на низшие командные должности: в армии он дослужился до старшего сержанта, заместителя командира взвода, и в Сибири тоже без малого два года пребывал в должности бригадира. Только вот, и в Армии, и на Строительстве командовать ему приходилось либо ровесниками, либо чуть более молодыми, здесь же в родной деревне, большинство членов бригады оказались старше его. Возчикам, кроме Катерины, искренне переживавшей за "поддатых" мужиков, было крайне любопытно, как поведёт себя молодой бригадир в пиковой ситуации. Михаил же и без того пребывал уже на порядочном взводе...

Всё началось с матери. Во время обеда она пристала к Михаилу со своим единственным в последнее время интересом:

что он думает насчёт обзаведения семьёй. Уж очень ей не хотелось умирать, не увидев внуков. Но замотанный с утра делами сын, не пожелал прочувствовать тревогу матери и, психанув, ушёл прямо из-за стола. Потом уже свою лепту внёс и зам председателя Пылаев, курирующий как представитель правления свою родную деревню. Он сообщил Михаилу, что Правление и Председатель лично недовольны ходом полевых работ в бригаде и дал понять, что в этом году ни на какие скидки рассчитывать не следует. Потом совсем плохая новость подоспела – встал единственный в бригаде зерноуборочный комбайн, что-то там с движком приключилось. Одним словом, полный швах, а тут и ещё один "подарок"...

На грозную команду бригадира отреагировали одни возчики, они враз умолкли, и язвительные улыбки словно ветром сдуло с их лиц – уже по виду Михаила чувствовалось, что он не ради внешнего эффекта изображает служебное рвение. Блаженные лица мирно посапывающих с открытыми ртами пьяных окончательно взбесили Михаила. Он схватил легковесного Ваську под мышки и рывком поставил на ноги.

– Ты что же творишь мудель обоссанный... думаешь так и будешь всю жизнь дуриком... самогонку выжрал и в стогу спать, а другие вместо тебя горб наживать?! – Михаил вплотную приблизил к себе пышущую перегаром осоловелую физиономию, обвисшего на его руках Васьки.

Митин всё-таки не был до такой степени пьян, чтобы отключиться в усмерть. И, конечно, если бы не духота, да ис-

ходящий от клевера дурман, может и не свалились бы они от бутылки самогона на брата. В общем, Васька почти сразу очухался, как только оказался в "вертикальном" положение и почувствовал клещевую хватку Михаила. Но, видимо, тайные добавки, которыми бабка Устинья заправляла своё пойло, хоть и не прибавляли ему крепости, но оказывали самое неблагоприятное воздействие на мозги и тормозные центры потребителя...

Может быть Ваське привиделось, что его трясёт и на него орёт не начальник, бригадир, не нынешний крепыш Михаил, способный "уделать" и двух таких заморышей как он, а тот прежний пацан, Мишанька, которого они, старшие мальчишки, потехи ради опускали головой в пруд и держали там до испускания пузырей... Они заставляли его голым скакать через крапиву, а в награду позволяли сделать пару затяжек махорочной сигаркой – в деревне всегда тяжело приходилось тем за кого некому заступиться, а у Михаила не было ни отца, ни братьев. Может это, а может ещё что вспышкой ударило Ваське в хмельную голову, озаряя дальние уголки памяти.

Желчный, патологически завистливый Васька, кроме всего прочего, пребывал в непоколебимой уверенности, что Михаил, как и все предыдущие бригадиры занимали его законное место во главе Зубарихи. Такие мысли созрели в васькиной голове в связи с тем, что его отец, комсомолец

тридцатых годов, стоял у истока организации колхоза в Зубарихе. Тогда колхозы были ещё маленькие, в каждой деревне свой и первым зубарихинским председателем стал активист Степан Митин. И надо же, как позубоскалила судьба, сыну первого председателя приходится теперь вкалывать простым колхозником, а командует им какой-то молокосос, который по идее и родиться то не должен был. Так бы и вышло, доведи отец в тридцать первом, дело до конца, если бы настоял на высылке всей раскулаченной семьи Белых. Тогда же выслали только стариков с двумя младшими сыновьями, а отделившегося загодя старшего, будущего отца Михаила, против воли отца вступившего в колхоз, не тронули. А ведь можно бы и его за компанию, никто бы там не стал разбираться кулак или подкулачник, все они одно семя. И вот теперь через тридцать пять лет... Как говорить, за что боролись?

– Ты кого хваташь... щеня, сучье племя?! В начальники вышел, кулачий выблядок!... – то было сказано достаточно громко, слышали все. Михаил аж оторопел, и отпустил Ваську. Тот воспринял отступление неприятеля как сигнал для собственной атаки, и уже в свою очередь, крепко ухватив Михаила за выцвевшую клетчатую рубаху говорил как бил:

– Твоё гадюка сщасье, што батя мой с дядьями в начальствах-то не удержались, а то б не ты надо мной, а я над тобой сичас бы мудровал, на мотоцикле бы баринот тута ра-

зизжал!... А может и не было бы тебя гадюки вовсе, не ощенялась бы тобою мать-то, кабы наша тогда взяла!?!...

Совсем потерял контроль над языком сын первого зубарихинского комсомольца, не замеченного начальством и не отблагодарённого в то золотое время должностью, уберёгшей бы его от фронта и от гибели. Уже и возчики, во все глаза и уши, внимавшие происходящему, неодобрительно покачивали головами – о том времени вспоминать в деревне не любили, многие и по сей день втихаря таили обиду на власть, за родственников, друзей, за себя...

Едва ли не все раскулаченные в Зубарихе, считались бы в более зажиточных деревнях, в том же Воздвиженском, середняками, в том числе и дед Михаила. В вину им вменили то, что они наотрез отказались вступить в колхоз, организуемый Степаном Митиным, чего оказалось достаточно для раскулачивания и высылки. Дед и бабка Михаила так и померли в ссылке, не вернулись и их сыновья, дядя Михаила, так и остались там, в Коми АССР, обзавелись семьями, но ни разу с тех пор не наведались в родную деревню. Впрочем, и отцу Михаила Фёдору Белому не давали спокойной жизни тогдашние активисты. С того он и жениться не решился, опасаясь что и его вот-вот вышлют. И только в тридцать пятом, когда произошло укрупнение колхозов и братья Митины, не удержавшись на командных высотах, несколько успокоились, Фёдор начал обустройство своей личной жиз-

ни. Настасья все эти сумасшедшие годы терпеливо ожидала Фёдора, хотя для неё, первой красавице на деревне, женихи всегда находились, сватов засылали и из ближних и из дальних деревень, не говоря уж о своих.

Михаил родился в тридцать шестом и, может, были бы у него ещё и братья и сестры, но мать вскоре после родов сильно занемогла, болела три года, а уж как совсем поправилась, тут как тут и война подоспела. Она, война и подвела одну черту, уготовала одну судьбу как для активиста Степана Митина, так и для подкулачника Фёдора Белого, так и для тихого неумехи Ивана Пошехонова... как для злыдни и уродины Пелагеи, так и для добродушной красавицы Настасьи...

Сначала Михаил как-то растерянно-суетливо принялся отирать от себя васькины руки, но едва тот неблагозвучно упомянул факт его появления на свет, оторопь как рукой сняло. Лицо Михаила посерело, большие кулаки каменно сжались, глаза сузились, превратившись в безжалостные звериные щёлки...

Михаил многое умел в свои тридцать лет, куда больше, чем старшие по возрасту Васька и Егор – скитальцы, как правило, успевают повидать и познать больше домоседов. Не только знакомую с детства деревенскую работу знал Михаил, он умел водить самосвал, бульдозер, работал бетонщиком и каменщиком, даже подрывником пришлось побывать ему. А ещё тянуло его, крепкого парня, меряться силой, обучиться

навыками спортивных единоборств. В Армии он пробовал себя на ковре, с особым же удовольствием одевал перчатки и довольно серьёзно, насколько позволяли условия службы, тренировался. Потом уже в Сибири, тоже не оставлял кулачную забаву Михаил, рисковал даже выходить на спарринги с перворазрядниками и кандидатами в мастера. Там же случилось, иной раз, и на улице применять свои боксёрские навыки. Большое Строительство, это суровая школа человеческого общения, куда заносило всякий народ и без крепких кулаков в том "Вавилоне" иногда бывало ох как трудно. Особенно хорошо получался у Михаила боковой удар правой, в подбородок. И если бы он вложил все свои силы в этот раз, наверняка сломал бы Ваське челюсть, не стиснутую, как у боксёра, а откляченную, изрыгающую мокроту и ругательства. Лишь в последний момент что-то удержало, ударил одной силой плеча. Но и этого хватило, чтобы Васька, разбрызгивая слюни полетел в копну.

Егор проснулся от криков, толкотни и ругани, что происходили прямо над ним. Сразу он не сообразил, что происходит, лишь узрев мелькнувшие в воздухе ноги Васьки, описывающие дугу вслед за туловищем после удара, понял, что его кореша-собутельника бьют.

– Ты эт чё размахалси-то?! – с неожиданным для него проворством Егор вскочил, чем сразу отвлёк на себя уже полностью находящегося во власти боевого возбуждения Михаила:

– А ты чего, никак в очередь встал?! Могу и тебе фунта три отвесить!

Егор был выше и массивнее Михаила, он выдержал, подставив плечи его коронные боковые удары, после чего противники сблизились и столкновение трансформировалась из бокса в борьбу. На равных схватка продолжалась не долго, Михаил, изловчившись, применил заднюю подножку и поверг кряхтящего Егора на землю. Этим, однако, не кончилось, борьба продолжалась в партере, ибо Егор, матерно ругаясь снизу, не прекращал отчаянного сопротивления.

Тем временем Васька очухался и, шатаясь, поднялся из-за полуразваленной копны. Потирая подбородок, он мутным взглядом обозревал "поле боя", безучастную внешне, но не отрывающую взгляда от борющихся, Тальку и восседавших на подводах как на трибунах зрителей– возчиков. Ещё через несколько мгновений взгляд Васьки обрёл какое-то подобие осмысленности, и он, уже не сводил глаз с широкой спины своего обидчика. На нетвёрдых ногах, неуверенно, словно не до конца осознавая для чего, Васька сделал шаг в сторону, на ощупь, не глядя, подобрал валяющиеся вилы, потом медленно, покачиваясь, стал приближаться к борющимся. Шага за четыре он перехватил вилы уже двумя руками, взгляд обрёл зловещую твёрдость...

– Ой, батюшки-светы, да они же запорют друг-другу!– в голос закричала Катерина.– Мужики, штош вы, разымите их!

Но не возчики, не успевшие даже соскочить с подвод, а Талька большой тёмной тенью метнулась к Ваське. Талька никогда в жизни не дралась. Её дразнили и подначивали с измальства, но она никогда не отвечала, не кидалась на обидчиков и обидчиц, лишь спешила отойти прочь. Сейчас же случилось немыслимое, она встала перед озверевшим Васькой, заслоняя спину ничего не чующего в пылу схватки Михаила, встала не зная, что делать дальше.

– Ууди ломовая, а то и тебя сщас наскрозь!– прошипел Васька, коверкая лицо дикими гримасами и делая угрожающий замах.

Просто ли сработал инстинкт самосохранения, или Талька подумала, что не остановит Ваську, если будет просто стоять, проткнёт он её и всё равно продолжит путь к незащищённой ничем уже спине... Талька широко распахнув руки – не обойти – сделала быстрый шаг вперёд и обхватила Ваську.

– Тыыы... Ты чё... очумела... аа!!– ворохнулся, было, в объятиях Васька, пытаясь, насколько позволяло его сверхстеснённое положение, зацепить её зубом вил.

Талька ещё крепче, что было мочи сжала, сомкнула свои руки. Васька выронил вилы и судорожно забился в удавчих тисках:

– Хххыы... пусти ссука... удушишь... хххы!!

И до этого Михаил чувствовал, что у него за спиной что-то происходит, но оторваться от Егора, даже просто оглянуться, посмотреть, никак не получалось. Лишь услышав хрипы

и истошные вопли Васьки, Михаил стал с удвоенной энергией заламывать руки Егору, дабы улучив момент соскочить с него. Тем временем вновь подала голос Катерина:

– Ой, батюшки, да куды ж вы смотрите, ведь задавит на смерть мужика эта ведмедиха!

Васька, выпучив глаза, сучил ногами, издавая нечленораздельные звуки, а Талька, словно окаменев, не разжимала своих объятий.

– Таль... Таля?!– Да отпусти ты его, говно это... слышь... не надо... отпусти... пусти говорю!– подоспевший Михаил с помощью Катерины, размыкал, отдирая талькины руки.

Наконец, словно очнувшись, Талька разжала хват, и Васька мешком сполз на землю.

Наивный брех, что люди битые, выдавшие смерть все становятся этакими смельчаками, коим простые бытовые столкновения – ерунда. Нет, подчас уцелевшие в огне, напротив, становятся крайне осторожными, очень высоко ценят свою собственную жизнь и здоровье, и в свары, их напрямую не касающиеся, стараются не вступать. К тому же возчики-зрители почти все были инвалиды – тут хочешь не хочешь, станешь осторожным. Но сохранить реноме, рождённое мифом о поголовном бесстрашии и хладнокровии тех, кому довелось побывать на фронте, возчики не преминули, и потому дружно принялись игриво перемигиваться, как ни в чём не бывало.

– Эва, как приласкала, не иначе у ево весь дух скрозь нижнюю дырку вышел...

Катерина принялась хлопотать над распротёртым Васькой, пытаясь привести его в чувство, попутно костеря на чём свет Тальку.

– Ладно, хватит тут страдания разводить,– прикрикнул на неё уже несколько отдышавшийся Михаил. Он нет-нет да и пробежал вопросительным взглядом по Тальке, поверженному Ваське и валявшимся рядом вилам. Талька же вновь втянулась в свою скорлупу и стояла в своей обычной набыченно-безразличной позе.

– А ну мужики, грузи этих и по домам их, некогда тут с ними, потом разберёмся, как проспятся, а сейчас работать надо. Вона сколь времени театру смотрели,– торопился, надеясь наверстать потерянное время бригадир.

9

Везти чуть живого Ваську и серьёзно помятого, так до конца и не понявшего из-за чего весь сыр-бор, Егора взялась избирательно сердобольная Катерина.

– А клевер грузить-то кто будет, одна Талька что-ли?– поинтересовался, слюня сигарку одноногий Маклюшин.

– А ты не переживай, погрузим. Ты главно, как поедешь своей махрой воз не запали,– с этими словами Михаил скинул рубаху и взялся за вилы.– Давай Таль, покажем, как ра-

ботать надо.

Михаил на удивление быстро вспотел, сказывался много-летний перерыв именно в работе такого рода, но постепенно приноровился, втянулся. Его мускулистый торс блестел, играл перекачивающимися буграми мышц в лучах уже шедшего на закат солнца. Ррраз, ррраз, пять-шесть раз поддел вилами Михаил, столько же Талька и копна уложена, ещё пять-шесть раз и вторая на возу. Очесать воз, к граблям первым успевал Михаил... ррраз, ррраз, с боков, с заду, с переду и всё, готово – отправляй. Подъезжает следующий возчик, никаких остановок, перекуров... Не прошло и часа – очереди, порожних телег как не бывало.

Талька из-под платка наблюдала за Михаилом, недоумённо уступала грабли для очёса – никто, с кем бы из мужиков ей не приходилось работать, не был столь предупредительным. Он же стремился подцепить вилами побольше, а ей оставлял поменьше, уступал более короткую дорогу от копны к возу, время от времени упрасивал:

– Куды ты столько тащишь? Меньше бери, лучше сходим лишний раз...

– Да што ты её жалеешь? – подсмеивался очередной возчик. – Ей сколь ни нагрузи, она всё сопрёт и не охнет, всё равно што...

– А ты сам кила сипатая слазь да потаскай, чем насмехаться, – зло оборвал насмешника, маявшегося грыжей, Михаил. Впрочем, времени на разговоры почти не оставалось.

Талька с Михаилом так споро работали, что кривые, хромые на деревяшках, безрукие и прочие (в те годы участников ВОВ насчитывалось ещё так много живых, что к ним относились как к обычным людям – власти пока ещё не было выгодно пропагандировать мнение, что все последующие поколения много им задолжали) возчики едва успевали принимать и утаптывать клевер. Окончательно управились уже на заходе солнца. Очёсывая последний воз, Михаил, тяжело отдуваясь, приговаривал:

– Вот и всего делов... уфф, будто искупался.

– Оденься, чай простынешь, – тихо посоветовала Талька, и тут же, устыдившись, отвернулась и быстро засобирила свои вещи. Михаил удивлённо взглянул на неё, но совету внял, подобрав рубашку, ею же вытерся, а потом одел. Холодный сырой вечер вступал в свои права.

– Таль ты куда? Езжай с возом, я залезть подсоблю, – предложил Михаил, видя, что Талька собралась идти пешком через поле.

– Не, не поеду, – замотала головой Талька.

– Ну, тогда давай со мной, на мотоцикле доведу.

– Не, – словно чего-то испугавшись, Талька почти побежала по своей полевой тропке.

Михаил недоумённо посмотрел ей в след, пожал плечами и повернул ключ зажигания...

Талька словно обретя крылья, не глядя по сторонам, ми-

новала поле, ферму, где доярки уже закончили вечернюю дойку, но коров пока ещё не загнали в стойла и они лениво лизали большие куски соли во дворе. Лишь вбежав через заднюю калитку в свой огород, она с разбегу повалилась под раскинувшую широко крону яблоню, и тут же перевернулась на спину, устремив взгляд в темнеющее вечернее небо. Идти в избу не хотелось, вернее, неодолимо захотелось остаться наедине со своими, навеянными только что произошедшим, думами.

А дома... дома её ждало однообразное, занудное и недоброжелательное нытьё матери, дойка Зорьки, ужин, печь, дрова... А потом, когда мать наскоро перекрестясь на икону (такими скорOVERами в Зубарихе являлись большинство из околхозенных старух – то ли верили, то ли просто по привычке, но иконы держали, и вроде бы даже молились перед сном), полезет спать на печь, она будет до наступления полной темноты выглядывать из-за занавесок в окно. В летние вечера на улице бывало довольно шумно, гуляла местная и приезжая молодёжь, слышались немудрёные коряво-разухабистые частушки под гармонь или балалайку, смех, визг, брань, прохождение ватаг подростков по деревни из конца в конец. Конечно, основным "приводным механизмом" того шума были парни и девчата старшего школьного возраста.

И так Талька сидела возле окна уже много лет, смотрела, слушала. Она не гуляла и в своё время, её никто никогда не

вызывал на улицу, даже в деревенский клуб, когда там изредка крутили кино, она давно уже не ходила. Но сейчас, лёжа в огороде лицом к небу, она не думала о предстоящем очередном сером вечере. У неё появилось нечто, чего не было раньше, у неё был прошедший день, день не похожий ни на один из всей её предыдущей жизни. Закрыв глаза, она видела Его, там возле копен, его спину в клетчатой рубашке и потом, обнажённого по пояс, блестящего от пота, играющие мускулы... его заботу, – о ней никто никогда не заботился – его слова, приглашение сесть на мотоцикл... прижаться к той спине... Нет, для Тальки это было слишком.

Все последующие дни Талька жила этими воспоминаниями, как в полусне воспринимая реальный мир. Данное обстоятельство не осталось незамеченным. На деревне стали поговаривать, что Талька, едва не задушив в своих объятиях Ваську, не иначе влюбилась, впервые в жизни ощутив хоть и ледащего, но всё ж таки мужика. Стали подначивать и Ваську. Но тому было явно не до того и вообще не до шуток: после случившегося, он панически боялся, что бригадир не забудет слов, по пьяни сорвавшихся у него с языка. Это он помнил хорошо, а вот то, что собирался запороть Михаила, как-то не задержалось в его голове, выветрившись вместе с винными парами. И прочие очевидцы, со смехом вспоминая, как "околевал" Васька в талькиных объятиях, почему-то факт наличия у него в рукахвил и недвусмысленные наме-

рения, не упоминали. Катерина, та вообще, ничуть не стыдясь очевидной неправды, всё излагала со своей специфической позиции. Дескать, Талька, с того, что мужики на неё не смотрят, вконец озверела и, воспользовавшись потасовкой, кинулась обнимать Ваську, да так, что чуть не задушила, и теперь бабы глядите, она и до ваших доберётся, так же "приласкает".

Талька же ничего не замечала, ещё глубже уйдя в себя. Даже очередной "заскок" матери, что мальчишки лазят ночами по огородам за поспевшими яблоками и многие сторожат, и надо тоже... Даже эту явную дурь (на их кислятину никто никогда не зарился) Талька восприняла, как возможность остаться с вечера совсем одной и предаться, действующим как сладостный дурман воспоминаниям. Во исполнении очередной материнской блажи, Талька после ужина одевшись потеплее, в телогрейку, вязанные носки, длинную шерстяную юбку, заняла наблюдательную позицию в сараюшке, на сеновале, возле круглого слухового отверстия под самой крышей. Оттуда открывался отличный обзор и своего огорода, и... соседского.

В отличие от Пошехоновых у Корневых было, что стеречь в огороде. Во-первых, одна из трёх имеющихся у них яблонь ежегодно плодоносила, хоть и не крупными, но весьма сладкими яблоками, во вторых, тётка Иринья в отличие от своей более молодой соседки Пелагеи, после выхода на пенсию не улеглась капитально на печь, а большую часть своих, весьма

немалых для её возраста сил вкладывала именно в огород. Его плодами она питала своих детей, ежегодно приезжавших на отдых со своими чадами и домочадцами, регулярно слала им посылки и делала солидные запасы на зиму. В корневском огороде кроме яблони и крыжовника плодоносили и смородина и одно из немногих на всю деревню вишнёвых деревьев. Огурцы, редька, турнепс, горох, не говоря уж о картошке, капусте и луке – всё это стараниями бабки Ириньи давало стабильные урожаи, независимо от капризов непродолжительного и прохладного тверского лета. Дед Иван ухаживал в основном за хмелем, вьющимся по длинным жердям в одном из дальних углов огорода. Хмель он по приезду сына и зятьёв добавлял в своё домашнее ячменное пиво.

Конечно мальчишкам, огородным разбойникам, хмель был без надобности, в корневский огород их тянули яблоки-белый налив, вишня, крыжовник, горох, смородина, сладкий турнепс – далеко не у всех в огородах всё это имелось в полном ассортименте, а у кого, так и вообще огороды так запущены, что росла всего одна картошка вперемешку с полынью и лебедой.

В это лето наплыв гостей к Корневым случился в июне и первой половине июля. А вот в Августе приехала только Лиза со своим малышом. С началом сезона огородных набегов стеречь огород выходил дед Иван. Для этой цели им уже много лет как сооружён в огороде шалаш. Каркас его образовывали обструганные колья, а крышу куски дёрна. Уютный

получился шалаш, тёплый, залезешь в него, так и тянет в сон. Данное обстоятельство иной раз служило деду плохую службу. И сейчас, в одну из ночей, эдак вот проспал он, не почуял, как прискакали с ночного мальчишки-пастухи на лошадях, перемахнули через плетень и похозяйничали на плантации, где пласталась бабка Иринья. Не столько взяли, сколько подавили, да потоптали грядки. Только тогда и разлепил глаза дед Иван и вылез из шалаша, когда под кем-то из налётчиков на обратном пути основательно затрещал плетень

Естественно, после такой "катастрофы" дед окончательно вышел из доверия. Стала бабка Иринья выходить в ночной дозор самолично, вооружившись гибким прутом и веником из крапивы. Охотники до чужих огородов – в основном дети непутёвых родителей, плюс обычный среднестатистический процент прирождённых любителей острых ощущений – знали, что бабка Иринья, это не дед Иван, добрый да сердобольный. Тот если и поймает, всё одно отпустит, да ещё яблок, крыжовника и гороху в кепку насыплет. А бабка нет, и веником отходит, если достанет, а на утро и родителей известит, на всю деревню шум закатит. Ну, а родителям ничего не останется как, по неписанным деревенским законам прибегнуть к помощи вожжей.

В общем, как прошёл слух о смене караула в корневском огороде, так даже самые отчаянные озорники предпочитали обходить его стороной. Но тут пришла пора теребления льна, и бабке стало не под силу тянуть и дом, и лён, да ещё но-

чевать в огороде. Караулить огород вызвалась Лиза, тем более, что реабилитироваться проштрафившемуся отцу мать не позволила. Уложив ребёнка и поручив заботу о нём на ночь матери, она в сумерках выходила ночевать в шалаш. Вышла она и в ту ночь, когда Талька впервые заняла наблюдательный пост в своей сараюшке.

10

Талька уже находилась возле слухового отверстия, когда в соседском огороде появилась Лиза. По солидной экипировке: платку, теплой, из ангорки кофте и зимним лыжным брюкам, что Лиза несла в руках, Талька сразу поняла, что соседская дочь тоже вышла стеречь огород в ночь. Было уже довольно прохладно, но Лиза, дойдя до шалаша, бросила всю эту тёплую одежду в его приоткрытую дверцу, а сама осталась в нарядном лёгком голубом, с белым горошком ситцевом платье без рукавов – словно на гулянку вышла.

Ночь обещала быть светлой: уже высоко взошла луна, и на небе за исключением восточного края совсем не видно облаков. Кроме чрезмерной прохлады злостными неприятелями Лизы выступали комары, использовавшие в своих интересах возможности, предоставляемые им её не по погоде открытым платьем. Она зябко ёжилась, хлопала себя по голым рукам и ногам, отмахивалась от агрессивных насекомых. Тем не менее, она не одевалась, и не пряталась в шалаше, а стой-

ко выдерживала комариные атаки, всё время вглядываясь в заднюю часть своего огорода, туда где находилась тыловая калитка – Лиза, кого-то ждала, но по всему не ночных огородных воров. Ждать Лизе пришлось довольно долго, она всё же не устояла и накинула на плечи кофту, когда, наконец, еле слышно скрипнула калитка и неясная на расстоянии фигура осторожно, боком протиснулась в огород.

Талька заметила крадущегося к соседскому огороду человека раньше Лизы – сверху обзор был куда лучше. Она узнала Его сразу, и у неё непроизвольно участилось сердцебиение – этого она никак не могла ожидать.

Увидев, наконец, того, кого ждала, Лиза сразу сбросила с плеч кофту, бесстрашно отдав комарам оголённые части своего тела. Она, конечно, это сделала не ради комаров.

– Ты что в одном платье-то вышла, озябнешь ведь? – с этими словами Михаил обнял Лизу.

А ты что ж долго-то так, чай не торопился? – доброжелательным укором отпарировала Лиза, в то же время подаваясь всем телом навстречу.

Они совсем не боялись, что кто-то их увидит, так как эта часть огорода Корневых была надёжно отгорожена от посторонних глаз. С одной стороны густые кусты крыжовника и низко протянувшие свои ветви кроны яблонь, с другой заросли смородины, с третьей обзор закрывала сараюшка Пошехоновых, ну а с четвёртой сам корневский дом. И уж никак Михаил с Лизой не могли предположить, что неволь-

ным свидетелем их свидания станет притаившаяся под самой крышей сараюшки Талька.

– Ты одень кофту-то, вона уже кожей гусиной вся пошла,— заботливо уговаривал Михаил, глядя голые до плеч руки Лизы.

– Ой, Миш, тише, мозоли у тебя.

– Прости, нечаянно я.

– Да что ты, ничего. А с тобой мне и не холодно совсем. Что припозднился-то? Меня комары чуть живьём не съели.

– На их-то месте и я б тебя съел, вона вкусная какая,— пошутил Михаил, а Лиза кокетливо повела плечами и довольная рассмеялась...— Да мать опять. Как домой не приду, всё воспитывать начинает... Оденься Лиз, дрожишь же вся.

– А зачем?— игриво спросила Лиза.— Одевайся, раздевайся,— она красноречиво указала глазами на шалаш,— чай согреешь... Пойдём, я там уже постелила, и комаров нет и тепло... Изождалась я, с самой вчерашней ночи...

Последние слова Талька не услышала, они были произнесены шёпотом, слышным только Михаилу. Она лежала замерев, вся превратившись в слух и зрение. Талька никогда не читала художественных книг и уже забыла, виденные когда-то фильмы про любовь, да и вообще не ведала, пожалуй, значения этого слова, так же как и сопутствующих ему: ревность, измена, неразделённое чувство... Несмотря на это, что-то с ней происходило, что-то тяжестью легло на грудь, когда она осознала, что происходит внизу, и что такая встре-

ча происходит не впервые. Её неторопливому разуму нужно бы хоть немного времени, чтобы как-то оценить происходящее, но этого времени у неё не было, она лишь могла следить и констатировать факты.

Талька видела, как тёмная на фоне платья Лизы ладонь Михаила уверенно скользнула вниз, с талии на бедро и, нырнув под подол, пошла уже невидимая в обратном направлении, задирая его всё выше. Вот его ладонь опять стала видимой резко контрастируя с белоснежными, короткими в обтяг трусиками (больше всего деревенские бабы и девки завидовали белью городских). Лиза застыла, замерла с выражением муки и желания – твёрдая, мозолистая ладонь Михаила, видимо, вновь доставила ей болезненные ощущения, но, судя по всему, желание этого прикосновения многократно пересиливало боль. Лунный свет как рассеянный луч кинопроектора высвечивал всё гамму чувств испытываемых Лизой. Когда пальцы Михаила проникли под резинку, она не выдержала, довольно громко охнула и, увлекая его, задом стала пятиться в шалаш. Талька знала, отчего рождаются дети, и чем занимаются мужики и бабы, оказавшись в одной постели. В деревне с этим все проще: все с малых лет видели, как петух топчет куриц, бык покрывает коров, жеребец кобыл... Но вот с другим, предшествующим и сопутствующим этому взаимоотношениями, здесь сложностей было не меньше, если не больше, чем в городе. В условиях деревни, где все жили рядом и знали друг друга, с тех ещё времён, когда ре-

лигия имела основополагающее значение в воспитательном процессе, не было большего греха, чем супружеская неверность. Потому и для Тальки то что, она увидела, казалось необъяснимым, невысказанным, ведь Лиза замужем и по слухам вполне счастлива, имеет ребёнка. Эта загадка даже на время заслонило то, что оглушило сначала – то, что к Лизе пришёл именно Он.

Талька, в силу ряда субъективных и объективных причин, безнадежно отставала от жизни вообще и от своих сверстников в частности. А действительность, во многом не приемлемая ею, недоступная её пониманию, окружала со всех сторон и сейчас преподнесла, как никогда жестокий урок – большее всего ударила тогда, когда она впервые чуть высунулась из своей "скорлупы", потянулась на неведомое ей тепло. Талька не могла сориентироваться в этой невероятно сложной для неё мозаике чувств и мыслей, она просто лежала и смотрела.

О том, что происходит в шалаше, Талька тоже догадывалась, хотя ни дыхание Михаила, ни присущее тому действию сладострастные стоны Лизы, в кульминационные моменты даже весьма громкие, не доносились до её ушей сквозь толщу дернового покрытия шалаша. Минут через пятнадцать дверца шалаша отворилась и из него белой нимфой выскользнула Лиза, одной рукой придерживая грудь, а второй отмахиваясь от комаров. Она побежала к корыту, в котором днями купала сына. У корыта она стала спешно подмываться ещё не остывшей со дня водой.

– Куда ты Лиз, голая-то?!– приглушённо предостерёг из шалаша Михаил.

– Закрой, не смотри!– замахала на него руками Лиза, и Михаил притворил дверцу.

Покончив со своим делом, Лиза отерлась заранее припасённым полотенцем, потом вытащила заколку, распустила волосы и как была, не спеша, словно не ощущая ни холода, ни насекомых, без всякого стеснения пошла к шалашу.

– Ну что, всё... смотреть-то можно?– спросил из-за дверцы Михаил.

– Смотри!– Лиза в картинной позе, выгнув бедро с распущенными волосами, замерла возле шалаша.

Талька если и имела представление о том, что именно притягивает мужиков в женской внешности, то насчёт себя, конечно же, иллюзий не питала. В том, что её собственная мужеподобность ни у кого восторга не вызывает, она не сомневалась – ей об этом напоминали постоянно. Талька уже второй раз за довольно короткий промежуток времени видела Лизу вот так, в тот памятный для неё день с крыши, и вот сейчас, примерно с той же позиции. Только на Лизе сейчас не оказалось и купальника.

Талька помнила Лизу худенькой, остролицей девчонкой-заморышем с вечно хлюпающим носом. Сейчас же, с длинными распущенными тёмно-русыми волосами, кажущимися в лунном свете посеребрёнными... Остролицесть улетучилась, как и бледность, ибо её щёки налились румяной

спелостью, хрупкость плеч (уже тринадцать лет Лиза жила городской жизнью, да и до того отец с матерью, крайне редко позволяли ей братья за вилы или подойник) удивительным образом гармонировала с полными руками, узость грудной клетки с довольно большими вислыми грудями, кормившей ребёнка женщины. Особенно же бросалась в глаза нижняя, явно утяжелённая в сравнении с верхней, часть тела. Наверное, процентов семьдесят её веса сосредоточилось в массивных фигурных бёдрах, тяжёлых выпуклых ягодицах и отчётливо проявленном животе. Лиза осознавала свою женскую силу и не сомневалась в успехе демонстрации.

– Ух ты... прям дух захватывает на тебя глядеть!– прорвало восхищённого Михаила.

– Как я против нынешних-то, молодых девок, а?– довольная произведённым впечатлением улыбающаяся Лиза изогнулась назад, шлёпая себя по бёдрам и икрам, пытаясь прибить маленьких кровососов.

– Ну, ты что, нашла с кем равняться-то, ты ж вона какая. Лиза засмеялась и, соблазнительно задвигав бёдрами, стала выделять танцевальные па.

– Фильм арабский смотрела, там танец живота показывали... мужики в кинотеатре чуть не ошалели...

Бёдра Лизы, повинувшись неслышной восточной музыке, совершали замысловатые вращения, изгибы, она пыталась втягивать и вновь распускать живот по примеру танцовщиц из фильма. Получалось, конечно, совсем не то, но неискущён-

ный Михаил был просто взведён этим умопомрачительным действием.

– Здорово, и как это у тебя получается? ... А ну иди ко мне скорей!

– А вот и не пойду, – Лиза продолжала делать соблазняющие телодвижения, дразня и подзадоривая Михаила.

– Застудишься ведь... Иди сюда, согрею.

– Мне и не зябко совсем. Иди сам, вместе потанцуем.

– Да ты что? Как я?... Да и не для мужика это.

– Ну, так и сиди там...

– А ну иди, кому говорю. Слышь Лиз, сымаю, хуже будет, – шуточно пригрозил Михаил.

В ответ Лиза повернулась задом и ещё быстрее задвигала бёдрами, перейдя на твист.

– Ну, Лизка, держись... сейчас я тебя...

Михаил, не вылезая из шалаша, спешно натянул штаны, а затем босой и полуголый пустился ловить Лизу, в притворном испуге уворачивающуюся от него. Он мог бы поймать её сразу, но больно ударился ногой и чертыхаясь несколько секунд пропрыгал на другой. Оправившись, он в два прыжка настиг, сотрясающую прелестями беглянку прямо под слуховым отверстием, возле которого притаилась Талька. Теперь она уже совсем близко услышала, как вновь залилась тихим довольным смехом вперемешку с охами Лиза, увидела как Михаил белый торсом и ступнями ног поддел её рукой под полную ляжку, вторую руку просунул под мышку, сгроба-

став сразу обе груди. От этого прикосновения Лиза особенно громко охнула, а Михаил почти без усилия, торжествующе вздел свою добычу вверх.

– Что, попалась, ишь разбегалась тут... ишь справная какая, щас я с тобой разберуся,– тщательно выбирая путь и, время от времени, прижимая к губам талию Лизы, Михаил понёс её, блаженно замершую на его руках, в шалаш...

Второй раз всё случилось значительно быстрее, не прошло и десяти минут. На этот раз Лиза, быстро подмывшись, уже не демонстрировала танец живота при луне, а совсем уж не соблазнительно и некрасиво дрожа всем телом, поспешила назад в шалаш. Через некоторое время она появилась оттуда уже облачённая в кофту, лыжные брюки и с заколотыми волосами. Так же полностью одетый вслед за ней вылез Михаил. Умиротворённо-спокойные, они постелили возле шалаша одеяло и, уселись рядышком, тесно прижались друг к другу, причём Лиза положила голову на грудь Михаила.

– Кажись, никогда мне так хорошо не было как сейчас, хоть совсем ночь не кончайся,– с грустью пожелала невозможного Лиза.

– А коли воры полезут, а... что нам тогда делать с тобой?– шутливо спросил Михаил.

– Ааа,– махнула рукой Лиза,– пускай лезут. В шалаш залезем и будем сидеть, чай весь огород не вынесут... Идут они все. Главное, нам с тобой хорошо, и ночь эта наша.– Лиза

обхватила, но уже без прежнего порывистого нетерпения, с сытым удовольствием, голову Михаила, притянула её, и они слились в долгом поцелуе.

По деревне, то там, то здесь взбрёхивали собаки, без устали стрекотали кузнечики, из корневского дома им вторил сверчок, на выгоне, где располагался старый, наполовину затянутый зелёной тиной пруд, давали свой еженочной "концерт" лягушки.

Талька уже не менее полутора часов пролежала не шелохнувшись под крышей сараюшки, но не ощущала ни устали, ни затекания членов...

11

– Нет Миш, а я бы ни за что не вернулась. Жить здесь до самой старости? Нет, сыну своему я такой жизни не желаю, – слышался от шалаша Лизин голос.

– Да я ведь тоже раньше-то так думал. Ты учти, где я был, и где ты сейчас живёшь. Сибирь это тебе не Москва, – отвечал Михаил.

– Ох, не знаю, а мне кажется, хуже нашей Зубарихи места в свете нету, скучищца. Летом-то ещё куда ни шло, а в осень, зиму, весной – не проехать, ни пройти, только на тракторе. Что тута делать-то, ты же молодой ещё?

– Что надо то и буду делать. Весёлого мало, конечно. Но ты ведь не знаешь, чего я тама нахлебался, да насмотрелся.

– Почему не знаю, ты ж говорил, я помню.

– То я тебе не всё говорил. Про то, если всю правду сказать и в органы загреметь можно.

– Да ну, чай не прежние времена, поди не посадят, ты уж не пугай,– Лиза смешливо смотрела снизу вверх – её голова по-прежнему покоилась на груди Михаила.

– Да чёрт их разберёт, эти времена... у нас тама таскали, если кто лишку болтал... Тогда-то, помнишь, когда ещё в школу ходили, все мы только и думали, как бы с деревни поскорее сбежать. И я, в армию всё торопился, мир поглядеть, да поездить, прям терпежу не было. Уж думал, коли вырвусь, так назад ни за что не ворочусь. Ты ж помнишь, рази ж тогда здесь так работали как сейчас, вона, с утра нажираются и трава им не расти,– голос Михаила звучал раздражённо.

– Да это сейчас везде так, и у нас в Москве пьют на работе, а уж опаздывают чуть не через одного. Старикам обидно, что в их времена за то сажали, а сейчас нет. И тут тоже... Только тут, я считаю, и работать не за что, это ж почитай за дарма. Разве в Сибири столько ты получал? Нет Миш, бежать тебе снова надо отсель, пока не старьё.

– Так-то оно, может, и так, только бежать мне Лиза некуда. В Сибирь не хочу больше, на Целину... бывал я там на хлебоуборке, в армии когда служил. Там тоже не сахар. Ну, а в Москве, как у тебя брата и сестёр у меня нету.

– Зачем ты вообще вернулся-то, хоть бы в каком городе зацепился, а сейчас так же вот как все к матери в отпуска

отдыхать приезжал. Ну, разве плохо?

– Эх Лиза, Лиза... Зацепился... Ты знаешь, что такое Сибирь, как там живут?

– Не была, конечно, но фильм вот смотрела документальный "Русское чудо", там и про Сибирь показывали. Города большие, плотины красивые, купаются, загорают...

– Ну, ты даёшь, плотины красивые... ха-ха... загорают... Того бы кто этот фильм делал за ноги да об угол... Купаются, говоришь, да в Ангаре вода и летом ледяная, а лето там... Вот говорят наше лето плохое, а там ещё хуже, ещё холоднее, хоть и дождей куда меньше. А зимой... вспоминаю про те зимы и дрожь пробирает. Мороз, по пятьдесят градусов бывало, барак наскрозь промерзал, все стены и потолок снутри в изморози. Сколь раз там мне наша изба и печь снились. У нас то тут, рази больше тридцати градусов бывает? Редкий день, а то и за всю зиму ни разу. А ветра, знаешь какие там ветра?

– Ветра и тут бывают.

– Да что ты, когда там такие ветра, така вьюга как наша, так то там тихой погодой считается. А снегу, понимаешь, снегу там иной раз совсем зимой не бывает, один мороз страшный.

– Как это не бывает?– изумлённо спросила Лиза.

– А вот так, стоит мороз за сорок градусов, а снегу нету почтишто... Ужас, стоят сосны, корневища в песке и даже не припорошены. Можешь в такое поверить?

– Зима без снега и чтобы такой мороз? Нет, не верится даже,— удивилась Лиза. Она уже отпрянула от Михаила и недоверчиво внимала рассказу.

– Во, я бы тоже не поверил, кабы сам не видел.

– А как же озимые там... раз снегу-то нет?

– Да какие там могут быть озимые, да и не сеют почтишто, земля совсем никудышна, да и ровной немного, сопки кругом. Со снегом-то правда тако не каждый год, иной раз и столь навалит, выше барака. Понимаешь, там меры нет ни в чём, от погоды не знаешь чего ждать. Как вот у нас тута, что один год, что другой, ну чуток жарче, похолоднее, побольше дождей, поменьше, но год на год похожие, зима так зима, лето так лето, а там и летом может снег пойти, да мороз вдарить. Хлеб там совсем плохо родиться и трава плохая и лён не сеют, ну что ни возьми всё хуже нашего, ни огурцов, ни свёклы, ни крыжовника, ни тебе яблок, ничего там не растёт, всё завозное, всё дорого. Земля только сверху на полметра, а дальше мёрзлая, никогда не оттаивает – вечная мерзлота, и вода по весне с того плохо уходит, болот много,— «рисовал» сибирскую природу Михаил.

– Так там что же, так совсем ничего и не растёт?— в очередной раз удивленно спросила Лиза.

– Почему, растёт. Грибов там прорва, орехи кедровы, но наши лесные лучше, и ягоды есть, но с нашими тоже не сравнить, сухие они там какие-то и не такие сладкие. Наши леса куды богаче, в нашем рази ж пропадёшь. Хоть заблудился,

закружился, всё одно на каку-нибудь деревню выйдешь. А тама от села до села не дойти, а если в тайге заблудился, так и загинешь в ней.

– Неужто?– Лиза с недоверием взирала на Михаила.– А только и слышно, Сибирь да Сибирь, край несметных богатств, прекрасная земля.

– Про богатства верно, только вот чтобы добыть их, пупок сильно надрывать надо, здоровьем своим платить. А насчёт прекрасности, брехня. Вербовщики, в армии ещё, тоже, как про рай какой ввали. Ну я, дурень, и клюнул, да како там клюнул, сам того хотел. Сразу как дембель, так и туда, домой даже, мать проведать, не заехал. Путёвки-то от комсомола нам прямо в части выдали и проездные до места. До армии-то, чай помнишь, я ещё здесь на шофёра-то выучился и служил тоже в автороте, а как на Строительство приехал, за меня сразу ухватились, шофера нужны были. Туда ж этих комсомольцев, всё больше без профессий понаехало.

– Зато там, наверное, интересно было, а Миш? Ведь все-союзная стройка, молодёжи много.

– Эт точно, весело, аж до икоты навеселились. Особенно доставалось городским, тем кто с хороших условий, с квартир с тёплым сортиром, с горячей водой, а там бараки да палатки и удобства на морозе. И другие люди были там. Это ж только по радио да в газетах, что одне комсомольцы строят, а там и зеки бывшие, химики эти, на поселении которы, и настоящие зеки с самих зон, все там были, а это такой на-

род. А тут, рядом эти неумехи, дураки и дурочки молодые, на зов Родины откликнувшиеся. Так их на котлован, с ломами, с лопатами, на просеки с топорами, а оне же не умеют эту лопату иль топор в руках держать, а тут зима... а вечерами урки их режут, да сильничают. Насмотрелся я как оне там загибались, хорошо если до холодов сбежать успевали,—голос Михаила звучал горестно.

— Но ты-то не убежал, вытерпел.

— То-то и оно, что вытерпел, не жил, а терпел, не знаю вот только для чего.

— Ну, хорошо, если уж там так плохо было, чего ж ты сразу не уехал, а вон сколь лет?...

— Молодой был, дурак. Да и комсомола боялся. Это щас я понимаю, что ерунда всё это, что после двадцати семи всё одно автоматом, а тогда ведь боязно было. А там с этим строго и исключали и выговора в карточки лепили. А работники комсомольские во всю старались, всё наравили в начальство без мозолей вылезти. Там ведь все, кто похитрей, приехали, чтоб деньгу загрести или карьеру сделать, ну а пошто туда такие как я приехали, до сих пор понять не могу.

— Но Миша, подумай, когда ты уже через всё это прошёл, привык, когда всё самое тяжёлое осталось позади, чего ж ты бросил-то всё, неужто здесь сейчас тебе лучше?— недоумевала Лиза.

— Лучше Лиза, лучше... Ну, как тебе объяснить-то? Конечно, надо бы сразу оттуда смотаться, ну влепили бы выго-

вор, да хоть бы и исключили, а сколь бы нервов и здоровья сберёг... А так, вона, в передовиках ходил, вламывал, нормы перевыполнял... рабочий класс, хозяева земли. Да какие там хозяева. Настоящие хозяева там были всякие начальники, да и то не все, кладовщики, снабженцы, да освобождённые комсомольские и партийные работники. Вот они для себя жили, как у нас там один умный мужик говорил, сочетали личные интересы с общественными. Одни росли, карьеру себе делали, другие воровали, там вагоны целые пропадали, стройматериалы и продукты – складами. Вот они и хозяйничали вместе с химиками, эти днём, те как стемнеет, а нашего-то времени и не было, – Михаил с иронией усмехнулся.

– Ой Миш, неужто правда всё? Я уж думала раз везде воруют, может хоть на ударной стройке всё по честному, – разочарованно всплеснула руками Лиза.

– А какой мне интерес тебе врать-то. Эх, сколь там ребят скурвились, да спились, сколько девчонок хороших с катушек съехали, да по рукам пошли. А остались бы при родне, отце с матерью, так может и жили бы нормально, семьи завели, детей.

– Ты это Миш, извини... всё хотела тебя спросить, да стеснялась как-то... У тебя-то как всё вышло... ну твоя-то тоже... ну жена? – в голосе Лизы слышалось смущение. Но Михаил ответил едва ли не с готовностью, словно давно хотел об этом поговорить.

– Да нет Лиз, у меня всё по другому вышло... Хотя, на-

верное, всё с того же. Что я знал о любви-то, а посоветоваться не с кем, все мы там одинаковы были, ничего не знавши с домов поубегали. Раньше, у родителей-то наших, у них всё по-другому случалось, сватов засылали и так далее, а сейчас... Ты знаешь, я как-то думал, отчего это на войне так много наших, деревенских мужиков загинуло, да покалечилось. И ведь не столько от пули, сколь по глупости, то под машину попал, или упал откель, придавило чем-нибудь, поморозилось сколь... Ведь тоже жизни-то не знали совсем, а их из дому да сразу в огонь, в самое пекло. Вон Маклюшин рассказывал, как с ним вышло, до войны он поезда ни разу не видал, ногу-то ему ещё как эшелоном ехал отрезало, и до фронта не доехал, вот и вся его война. Вот и в любви этой, что мы знали-то, игру эту нашу в "Номера".

– А я те "Номера" и сейчас вспоминаю... Помнишь, как нам с тобой впервой на "Свидание" идти выпало,– Лиза игриво заулыбалась.

– Хм... конечно помню. Ты тогда в школу ещё ходила, а я уж работал.

– Ну... А я тогда иду с тобой, а сама вся дрожу, что думаю, если приставать начнёт? Других-то я сразу отшивала, и руки не успевал протянуть, а тебя боялась, думала не осмелюсь. Ты ведь мне уже тогда, знаешь, как нравился? Как я Зинку Коршунову тогда ненавидела, с которой ты ходил,– вспомнила застарелую ревность Лиза.

– Серьёзно? А я и не чуял ничего, ты же ведь тогда ещё

маленькой считалась.

– А у меня тогда и руки и ноги как отнялись, хорошо на скамейку присели, а то не иначе грохнулась. А помнишь, что я тебе тогда сказала?

– Не надо, говоришь, Миша. Я и руки сразу отнял, не пойму, что с тобой, дрожишь вся, думаю, чего это она боится.

– А я ведь потом даже расстроилась, её богу, плакала даже, думаю, не нравлюсь совсем, раз отпустил сразу...

Михаил и Лиза вспоминали свою юность, наивность, неопытность. Черту под этими недолгими воспоминаниями подвел Михаил:

– Да... А потом ты в Москву свою укатила, а я через зиму в Армию и всё, разошлись наши с тобой дорожки.

– Ладно Миш, поздно чай горевать. Слава Богу, хоть эти ночи наши, другим и этого не выпадает, любовь-то она ох как редко случается, что бы вот так с обеих сторон... Расскажи про жену свою... Извини, если не хочешь...

– Да нет. Душа уж давно отболела, и я о том не жалею. Вот с тобой мы вроде рядом с малых лет жили, а вот так получилось, что и не сошлись, а тута, ну, вроде, никак не должны были наши пути сойтись, а вот сошлись, на стройке этой чёртовой... Верой её звали. Она тоже по путёвке приехала. Мы с ней не то на каком-то слёте, не то конференции комсомольской познакомились. Я ж там в передовиках ходил и она тоже. Она общительная очень, штукатурщицей работала и была в своей бригаде неосвобождённым комсомольским

секретарём.

– Мужиков-то наверное вокруг неё всегда много было, раз общительная?– не удержалась от язвительного укола Лиза.

– Да нет, Вера она не такая, да я бы никогда с такой, что средь мужиков тереться любит и не связался. И вообще плохого про неё... Просто совсем уж разными мы оказались. Она ж на поверку, простая совсем оказалась, ну до дури, хоть вроде на вид уверенная такая, активистка, общественница. Она хоть и неосвобождённым секретарём была, а больше всех освобождённых делала. Ни одно там мероприятие, праздник, или ещё что без неё не обходились. Ну, а начальники комсомольские ездили на ней втихаря, поручения всякие наваливали, а она везла. А с мужиками нет, она на словах лёгкая была, а так не гулевитая. Она и меня, сколь я с ней гулял, а до свадьбы к себе ни разу не подпустила. Вот я и решил тогда твёрдо, женюсь, не сыскать лучше, а эту работу свою общественную, дармовую, думал забудет, как в доме хозяйкой станет, да дети пойдут.

– И что же, ошибся, не так вышло?

– Я ж говорю, разные мы на поверку оказались, о жизни-то по разному понимали. А главное, самого того, что я думал во всех бабах должно быть, семейного, домовнего, так вот в ней этого совсем не было. Потом уж я узнал, что у неё и родители всю жизнь по стройкам всяким промотались, и она вот так выросла, другой-то жизни не знала, а главное, не хотела. Все эти собрания, заседания, комитеты, всё это самым важным

в жизни считала, эта бригада её чёртова, коммунистическо-го труда, дороже семьи для нее оказалась,— Михаил говорил уже со злом в голосе.

— Ты знаешь Миш, я встречала таких девчонок.

— Во-во, а меня именно на такую угораздило нарваться...

Как поженились, нам в семейном бараке комнату отдельную дали и квартиру вскорости сулили, ГЭС-то уже почти кончили, дома, город строили.

— Ну и что же вы? Надо было дожидаться квартиры и жить.

— Надо бы, да не так всё оно вышло... С работы прихожу, а её нет, то собрание у неё, то заседание, то отчёт, то прием новых членов, то опытом делится. Дома документацию свою комсомольскую заполняет до полуночи. Я на дыбы, что де надоело по столовкам питаться, не для того женился. А она в ответ смеётся и как по писанному из речи какой-то, что современная советская женщина не должна становиться домработницей для мужа и вообще скоро везде будут фабрики-кухни. Ну а самое, что меня добило, рожать она совсем отказалась, де не время, обстановка напряжённая, ещё построить много надо, вот переждём годков несколько. Я хоть тогда уже и четвёртый год её знал, а не думал, что она до такого. Ну, думал, как другие там активисты, придуривается на словах, чтобы на хорошем счету быть, а она оказалось и в самделе. Что там она делала, не знаю, это ваши бабские секреты, а я уж подумал что я больной какой, сколь живём, а она не беременеет и всё.

– Может она спираль вставила, или цикл считала?– предположила Лиза.

– Не знаю. Потом уж она сама сказала, без подробностей, что решила пока не рожать. Я тогда чуть не побил её. И на кой, спрашивается, мне такая жена, жрать не готовит, дома не сидит, детей не хочет рожать. А тут ещё мать в письмах пишет, привези, да привези, жену твою погляжу. А как я её такую сюда привезу, что матери скажу, почему детей-то нет? Она, вона, внуков всё ждёт,– Михаил безнадежно махнул рукой.

– Так ты её сюда ни разу и не привёз?

– Да она и к своим то родителям и то не ездила, в отпуска всё по домам отдыха. Я и с самосвала ушёл, чтобы к Вере поближе быть, в одном СМУ с ней работал. Так вот, я уже был бригадиром каменщиков, а Вера в партию поступила, кандидатский стаж ходила. А тут как раз на другую стройку стали агитировать, в Красноярск. И они все там в её бригаде порешили в этот Красноярск ехать, новую плотину строить, а нам и квартиру вот-вот уже обещают, представляешь.

– И что же она?

– Что она... Она же передовичка в той бригаде, маяк, на всех досках почёта висела, а тут ещё партийной стала. Но не это главное, она сама как рвалась куды-то на ново место. Ну, уж тут я сразу прикинул, что там опять барак, опять пахота ударная, а рядом химики, зеки, вся эта сволочь отборная. Тут я не стерпел, нет, говорю, хватит с меня и одной

запруды на всю жизнь. Долго она меня уговаривала, и так и эдак, даже ребёнка согласилась заиметь, как на новом месте обустроимся, это вроде как награда была бы мне. Но я ни в какую, либо здесь квартиры ждём и живём по-людски, либо ездай одна со своей бригадой. Она видит такое дело и говорит, хороший ты парень Миша, а старые понятия о жизни имеешь, у тебя, говорит, душа мещанская, я, говорит, перевоспитать тебя хотела, да вижу, ничего поделывать не могу. Во, представляешь, мы оказывается друг дружку перевоспитывали, коса на камень... Так и разошлись, тихо без скандала у нас и делить-то нечего было, ни обстановки, ни домашности, одни её протоколы да отчёты по всей комнате. Если жены, хозяйки в доме нету, то и гнезда нету, и у меня тоже душа не лежала чтобы в дом нести...

Михаил замолчал. Чувствовалось, что повествование дается ему с трудом. Лиза еще теснее прижалась к нему, ее голос звучал участливо:

– Ох, бедный, ты бедный Миш... Тут ведь про тебя всякое на деревне болтали, мне мама говорила, а я всё одно не верила, так и думала, раз развёлся, значит, не мог по-другому.

– Бедный, не бедный, а пришлось хлебнуть. Сложная это наука, к жизни-то приладиться, мало у кого выходит. А Веру мне и сейчас жалко. Видал я таких, которые в годах уже. Пока молодые хребет гнули, нужны были, а как молодость, здоровье отдали, так и живи как хош, никому не нужный, ни семьи, ни здоровья. Видал я этих первых гидростроите-

лей-героев, что собой воду перекрывали, когда перемычку по весне прорвало, в воде ледяной живую плотину делали. Сейчас, вона, платят им пенсии по инвалидности, со слуховыми аппаратами ходят, говорят только в трубку специальную, к горлу прижмут хрипят-сипят, а так-то и слова сказать не могут. А тот, кто их в ту воду шпынял, в Москве в начальниках больших ходит. Да и Вера про своих родителей сказывала, сколь де они построили, и на Магнитке, и в Челябинске, и где только они не были – есть чем гордится. А я ей, чего ж тогда доживают в каком-то паршивом посёлке рядом с вредным комбинатом? Это их последняя стройка. Да ладно, хоть бы посёлок был, а то ни снабжения нормального, и от шпаны проходу нет, она сама мне про то говорила. Обижалась, не понимаешь ты, говорит, ничего. А что там понимать, всё и так видать, не жизнь, а сплошная охмуряловка, кто кого обманет, да за его счёт кой что выгадает. Не, лучше уж здесь, хотя и скушно конечно, – нервно крутанул головой Михаил.

– Не знаю Миш, это у тебя так вот вышло, а я вот нет, ни за что не вернусь, – непоколебимо держалась своего мнения Лиза.

– Я ж про тебя и не говорю. С тобой-то ясно дело, вы там в Москве как баре живёте, такое снабжение, у вас не пропадёшь, – в голосе Михаила слышались нотки спокойной, не злой зависти.

– И ты туда же. Вот не знают люди, а судить все берутся.

В Москве ведь тоже по всякому живут, мне ведь тоже сначала знаешь, как досталось,— Лиза отвернулась и смотрела куда-то в ночь, видимо припомнив какие-то неприятные эпизоды своей московской жизни.

— Да ну, что ты Лиз, я ж безо всякого... А ты... ты не таись, расскажи, легче будет, ей богу. Вона, мне сейчас, как тебе всё сказал, как камень с души, её богу...

12

Для своей исповеди Лиза собралась не сразу, она зябко куталась в кофту и то и дело вглядывалась в тыльную сторону огорода, словно надеясь, что оттуда кто-то придёт и избавит её от "ответного слова". Но всё замерло — воздух, кусты, трава, белый диск Луны... — словно боясь спугнуть собеседников. Наконец Лиза вздохнула, и невесело усмехнувшись, заговорила:

— Понимаешь, девчонкой я ещё тогда была, шестнадцать лет, да из деревни прямо в Москву. Верно ты сказал, что мы знали-то, нас ведь никто не учил тому, что в жизни-то знать надо, всё через свои синяки да шишки узнавали. Да и кому учить-то было, родители, верно, окромя своей деревни ничего и не видели. Катерина, сестра, по первости помогла, жить пустила, раскладушку поставила, занавесками занавесила. А у ей у самой семья, двое детей малых, коммуналка, соседи пьют без пробуду. Сестра на работу гонит, туда где тяжель-

ше, сама так начинала, да и жилплощадь там скорей обеспечивали – стесняла я их. А я не захотела, как она, неучем остаться на всю жизнь, да на конвейере гробиться. Учиться поступила, на повара. И как она меня не гнала, там, на фабрику, железную дорогу, или метро рыть – я ни в какую. А уж в училище том тоже досталось, тоже попотешились надо мной, над платьями моими да разговором. Я ведь пока эти наши "чай", "эва", "пошто" да "шибко" не отучилась говорить, да одёжу городскую не справила, как клоун какой была, чуть не всей группой надо мной смеялись, пальцами показывали: вон Нюшка деревенская идёт, эта, которая разговаривать не умеет.

– Ты там, что одна деревенская-то была, вона, ведь сколько тогда с деревень-то в Москву поужезжало?– недоуменно спросил Михаил.

– Много-то много, да все на грязных работах устраивались, куда москвичей калачом не заманишь. А в нашем училище всё больше москвичи да с городов, что там недалёко. Так-то просто, с улицы туда не брали, профессия стоящая, при продуктах всегда. Меня-то брат через знакомых своих устроил, а так бы и не суйся. Он мне так и сказал, когда я приехала, к себе, говорит, жить пустить не могу, тесно у нас и жена против, а хорошему делу выучиться помогу. Потом уже полегше стало, в техникум вечерний я сама поступила, да и работала уж, деньги получала. А сначала просто ужас был, а не жизнь. Представь: в училище все дразнят, пальцем

показывают, здесь сестра нет-нет, да и попрекнёт чем. Потом мужик её, Колька, подглядывать повадился. Ну, ты видел его, они в Июне сюда приезжали. Я ж Катьки-то на четырнадцать лет моложе, а он кобель ещё тот. Пристал как-то, когда одне мы остались, сестра узнала, скандал подняла, да меня же и обвинила. Пришлось съехать от греха в общежитие, ну а общага... сам знаешь. Семь лет я там промучилась, и работала и техникум кончала. Наверное, и сейчас там бы жила, если бы замуж не вышла...

Повисло напряжённое молчание. Михаил, так и не дождавшись продолжения, счёл нужным слегка подтолкнуть:

– Ну а он-то... ну мужик твой... как он?

Лиза нервно передёрнула плечами, но так ничего и не сказав, вновь уставилась в зеленоватую бледность огорода.

– Извини... не обижайся пожалуйста, – как можно мягче старался говорить Михаил.

– Да я не обижаюсь. Ты ж мне всё про себя рассказал. Просто я не знаю, как про него и говорить-то... Так, человек он... и тоже, как будто, неплохой.

– Ну, а тогда чего ж ты?... – начал было Михаил, но осёкся, не зная как продолжить, эту вдруг явившуюся ему мысль, но она догадалась сама.

– Хочешь сказать, чего это я с тобой тут?

– Ну, не обижайся Лиз... ну это... не хочешь, не говори. Пойми, обидно мне, как же это нас угораздило так, а? Вот гляжу и у тебя не всё по-людски сложилось. Всё думали, что

где-то за тридевять земель счастье себе сыщем, а оно может тут, рядом с нами было, а Лиз?

– Не знаю я Миш. Как-то всё у меня оно не вместе, как двумя жизнями живу. В одной всё хорошо, живу да радуюсь, а в другой... Поверишь, прям с души воротит, как подумаю, что с ним мне всю жизнь прожить придётся,— в голосе Лизы слышалось отчаяние.

– Он что пьёт, или гуляет.

– Да нет... Ну, как тебе... Вот ты свою Веру... ну говоришь, что женского в ней не было, домовитости. Ну а он... ну как не мужик, наврядь большого ребёнка, который никогда не станет взрослым. Володя, так мужа моего зовут, он сын нашего шеф-повара. Понравилась я ему, шефу нашему, вот он меня с сыном своим и познакомил

– Так он у тебя настоящий, коренной москвич?

– Володя коренной, в Москве родился, а отец его тоже с села, сам пробился и на москвичке женился. Свёкр ко мне как к дочери родной относится. Много он для нас сделал, и свадьба, и квартира, и мебель – это всё он. А как Сашу родила, так серьги золотые подарил... Дарил-то конечно Володя, но я –то знаю, что деньги свёкр дал. А сейчас он на работе меня на своё место готовит, показывает, рассказывает, что и как. Ему через три года на пенсию, так, что, может, скоро и я шеф-поваром стану, Елизаветой Ивановной величать будут,— горделиво поведала Лиза

– Погоди Лиз, что ты всё свёкр да свёкр, ты ж с мужем,

поди, живёшь, а не со свёкром,— недовольно вклинился Михаил.

— Ох, хо-хо... А что муж... про него и сказать-то нечего, ну вот как ты говорил, что на стройку вашу попали, делать-то ничего не умеют. Так и он, ничего не умеет, ни к чему не приучен, хоть и тебе ровесник. Мать его всё время от своей юбки не отпускала, то в музыкальную школу водила, то куда-то рисовать учиться. Он и с ребятами-то никогда не дружил, не дрался, ни в какие игры не играл. В общем, и музыкантом не стал и рисовать не научился, а на велосипеде, или плавать, или там на лыжах ходить, так никогда и не умел...

— И как же он... ну вообще работает-то где... деньги хоть зарабатывает?— продолжал допытываться Михаил.

— Институт он закончил, экономический, по распределению не поехал, отец как-то договорился, он многое может, вот и пристроил его в какую-то контору бумаги переключать за сто рублей. Сам-то он, ну ничего не мог, даже с девчонкой познакомиться, вот отец и тут помог, со мной свёл. Дескать, девка правильная, хватистая и не шалава. Он мне потом это прямо в глаза сказал, свёкр-то. Зато свекровь, жена его, против была, не хотела своего Володеньку на деревеньщине женить, генеральскую или министерскую дочь не иначе хотела... Ненавидит она меня, да и за мной не заржавеет... Как она над мамой с тятёй изголялась, когда они на свадьбу приехали. Сама-то никто, кассиршей в столовке работала, подписаться путём не может, всё благодаря мужу, а

сама колода колодой. Куда-там, такую интеллигенцию из себя корёжит. Никогда я той свадьбы ей не прощу, хорошо свёкр всё загладил, мама и не поняла ничего.

– А ты не видела этого сначала-то, что ж ты?– упрекнул Михаил.

– А что делать-то мне было, сам посуди. Да за квартиру отдельную, московскую, да за жизнь человеческу я тогда на всё готова была. Да видела, сразу видела, что и жених рохля, не мужик и свекровь змея. А ты знаешь, каково девчонке молодой в большом городе, да одной?

– Знаю Лиз, знаю... да не только в большом, везде общага ли, барак, всё одно.

– Да как ты можешь понять, вам парням всегда легче, у вас хоть сила, кулаки имеются, за себя постоять, а девке что!?!– Лиза вдруг всхлипнула.

– Да что ты Лиз?

– Да нет, ничего... это я так,– Лиза быстро взяла себя в руки и продолжила уже спокойнее.– В общаге я там такая одна на всём этаже была, которая работала и училась. Остальные-то все после работы с парнями, к себе водили. Ох, и намучилась я там. В комнатах нас по четверо жило, то одна приведёт, то другая, а я значит ухожу, болтаюсь по коридору, а там тоже парни шастают, прямо проходной двор. Если пьяные, или сволочи какие, обязательно приставать начнут и защиты искать не у кого.

– Так у тебя, что и парня до мужа не было?

– Да как тебе сказать, знакомилась, да всё мимо, такие же приезжие по общагам мыкались. Им же тоже москвички нужны были с квартирами, а с нами они так, ради потехи... Девчонки многие на этом попадались, как забеременеет, так он сразу отчаливает и всё, кому она потом с брюхом нужна. Вот ты говоришь, сволочей там повидал, и я повидала, прям звери, меня до сих пор дрожь берёт, до сих пор лапы их поганные чувствую. Настоящие-то москвичи нам как принцы казались, все замуж за москвича мечтали.

Михаил понуро молчал, словно виноватый, а Лиза продолжала:

– Я замуж тогда, как из темницы на волю рвалась, сил уже не было, да и года поджимали, двадцать пять стукнуло. Наши девчонки в общежитии, знаешь, как мне завидовали, так и говорили, такой кусок тебе Лизка отломился. И я ведь тоже тогда так думала, потом уж... – Лиза умолкла.

– А что потом? – осторожно спросил Михаил.

– А потом суп с котом, – зло отозвалась Лиза. – Вещи, еда, квартира, – это оказывается не всё, что для счастья-то нужно. Да, наверное, так и не бывает вовсе, что бы всё одно к одному, и любовь, и достаток. Либо то, либо это, и так как у меня тоже везением большим считается, ведь у многих так складывается, что ни того, ни другого. Так что у меня хоть что-то, вот и горжусь, брешу тут всем, как хорошо да сладко живу...

– И всё ж Лиз, не возьму я в толк до конца. Что же с му-

жем-то у тебя?

– Ох, господи, где ж тебе понять. Мы ж за что вас любим-то?

– Ну, не знаю, наверное, у каждой свой какой интерес,— улыбнувшись, предположил Михаил.

– Да один у нас интерес, чтобы ласков был да не противен, чтобы мужиком настоящим был, защитой и опорой. А Володя мой он ни то ни сё, большое дитё, а я ведь замуж выходила, а не в няньки нанималась. Свёкр, он видит всё, понимает, говорит, только не бросай его, всё говорит для вас сделаю, только не бросай, пропадёт. Я уж и так и эдак, третий год пошёл, а привыкнуть ну никак не могу. В постель с ним ложиться... Это ж когда сволочи всякие пристают, лапают – противно. А муж-то родной должен и обнять, и вот как ты меня сейчас на руках носить, и прижать крепко по-мужски, чтобы смотрел да радовался, когда жена перед ним раздевается, я ведь, поди, не уродина какая, и сам, чтобы телом на мужика походил. А тут ни того, ни другого, и раздеваюсь, как перед стенкой, и на него смотреть, тоже отвернуться хочется. Как у нас Сашка-то получился, я всё удивляюсь и всё Бога молю, чтобы от него ничего ему не досталось, особенно характер. Саша эту зиму сильно болел, я ночи не сплю, а он к стенке отвернётся и хоть бы что, дрыхнет. Равнодушный он сам по себе, и в доме не хозяин и сыну не отец...— Лиза замолчала, казалось, она спохватилась и раздумывала, не сказала ли чего лишнего.

Михаил же в искреннем недоумении покачал головой:

– Да Лиз, вот уж никогда бы не подумал, и тётка Иринья всю дорогу тобой хвалится: у Лизы моей всё хорошо, как сыр в масле катается.

– А я и маме ничего не говорю, тебе вот первому.

– Всё я понимаю Лиз... а всёж-таки, раз душа не лежит, так наверно и не надо бы?

– То вам, мужикам, легко рассуждать, надо-не надо. Вон, сколь у нас вдов на деревне, да безмужних, чем так жить, лучше вообще не рождаться. Любовь-то Миша, она может одна на тысячу случается, да куда там, реже. Много ты знаешь семей, чтобы в настоящей-то любви жили?

– Кто ж про то рассказывать-то станет... Потом, часто и так бывает, что смолоду любили, а потом уж как бы приелись друг-друге, так уж и не то, предположил Михаил.

– Брось ты Миш, если надоели, значит и по молодости ничего такого не было. А я вот прямо скажу, не видела я у нас на деревне не одной семьи такой, чтобы муж с женой по настоящему друг дружку любили, да и в Москве тоже, пока не видала.

– Ну, ты хватила. Откель ты знаешь-то? Да хоть бы твои мать с отцом, вона, сколь вместе прожили и всегда хорошей семьёй считались, дружной, не согласился Михил.

– То-то и оно, что знаю, только не со стороны, а с изнанки... Грех, наверное, про родителей, да раз уж начали. Верно, и мать у нас путёвая и отец, хоть и чудной, а мужик хо-

роший спокойный, работающий, непьющий. Всё так, пятерых детей вон... А поверишь, не было меж ними никогда любви. Мать всегда считала, что отец не стоит её. А уж про те, где пьют, гуляют, да дерутся, про их и говорить нечего. Так что не знаю я тут по настоящему счастливых пар, и любви тоже.

– Не правда, – тихо но отчётливо прошептал Михаил.

– Что не правда? Ну, назови тогда.

– Мать моя до сих пор отца любит, хоть и не ждёт давно. Она и до свадьбы его пять лет ждала. Сколь к ней сваталось тогда, а ей кроме него никого не нужно было. И ему тоже никого боле не нужно было. Нет, не права ты Лиза, не может такого быть, чтобы все люди вот так случайно сошлись и живут, друг дружку мучают, или как чужие, вроде одна семья, а друг дружку не видят.

Лиза несколько смутилась, но вскоре инерция убеждённости снова взяла верх:

– Ох, Миш, сколько они, родители твои, пожить-то успели... Даже пусть и так как ты говоришь, но это же один случай за столько времени, а как я говорю, вон, сколь кругом. И у сестёр моих, и у брата, так, одно слово, что семьи... И я, кабы тебя снова не встретила, так тоже не узнала бы, какая она эта любовь-то настоящая. Многие ведь бабы жизнь живут, и не верят, что есть она на свете, а не только в кино или книжках. Вот так: хочу тебе нравится, быть с тобой, говорить с тобой, раздеваться перед тобой, даже боль от тебя терпеть хочу... – Лиза вновь отвернулась в сторону и замолчала.

Растроганный Михаил выдержал паузу и осторожно тронул Лизу за плечо:

– Разбередил я тебя Лиз, сам с начала вывернулся с исподней стороны, и тебя вот заставил... не принимай близко...

Лиза с готовностью обернулась и вновь потянулась к нему.

– Эх Мишенька, знал бы ты, как мне теперь назад к нему ехать не хочется.

– Так не езжай, оставайся, – вроде бы шуткой предложил Михаил...

13

Лиза отстранилась почти с испугом и, недоумённо взглянув, заговорила, как бы протрезвев:

– Что ты, миленький... Нет, нет... здесь я уже не смогу... и потом... у меня же сын от него. Какой бы ни был, но отец должен быть родной... назад пути нет. И потом... здесь же жить нельзя, только в Москве и есть настоящая жизнь. Я там уже так привыкла... На работу на метро езжу и станциями по дороге люблюсь. Другие бегут и не видят, какая красота кругом, а я смотрю каждый день и не посмотрюсь. И на работе всё к душе. Я вообще больше всего на свете готовить люблю, а тут ещё и начальник свёкр. Я там на кухне почти как хозяйка, и домой всегда приношу, и свёкр всегда чего-нибудь подбросит, то крабов в банках – такое объедение, то ещё чего, консервов импортных или севрюги, телятины. Питаемся

мы, можно сказать, бесплатно. Я от деревенской еды, поверишь, напрочь отвыкла, это наше мясо вяленое есть не могу. Сейчас, как мама на лён ходит, я сама готовлю, так тя-тя всё удивляется, как можно так вкусно обыкновенные щи приготовить... А знаешь, как я по телевизору здесь скучаю, и Саша тоже. А по нему ведь каждый день фильмы кажут... Ох, господи, как приезжаю сюда, сразу по-деревенски разговаривать начинаю, а в Москве потом с неделю отвыкнуть не могу. Как скажу вот так-то, кажут, а на меня косятся все. Так вот, фильмы смотрим каждый день и передачи всякие интересные: "Огонёк", "КВН", Мирова с Новицким, Торопуньку со Штепселем, они там такие хохмы откалывают. И кинотеатр у нас недалёко, а там фильмы заграничные ка... футы, показывают. Мне особенно франко-итальянский нравится "Три мушкетёра", или вот недавно смотрела "Операция Святой Януарий". Разве здесь такое покажут?

– Эт верно,– согласился Михаил,– нам тут такие фильмы не возят... да и аппаратура, то звук хрипит, не разберёшь, то ещё что.

– Да кино-то ладно, хоть бы свет провели нормальный. Тогда совсем бы по-другому можно жить, и телевизор смотреть и холодильник купить. Я уж так к своему холодильнику привыкла, прям не знаю, как без него можно

– Не... тут до этого ещё далёко. К сети областной обещали года через три подключить, не раньше.

– Ну вот, а ты говоришь... Что тута делать-то?

– Эт верно, скучищца,– Михаил, казалось, совсем уже соглашался с доводами Лизы. – Особенно молодым сейчас неважно. Пожалуй тяжелее, чем нам было. Она, тоже лыжи все востряет, кто школу кончает. Только мы-то все на авось ехали, не знали куда.

– А они сейчас, что знают?– иронически спросила Лиза.

– Да нет, я не про то. Они сейчас, скорее всего, на тебя глядя. Видят, какая ты приезжаешь красивая да разодетая, и тоже думают, что в городе им каравай сразу мёдом намажут.

– А с чего это на меня, может и на тебя смотрят, или ещё на кого?– не согласилась Лиза.

– Не Лиз, я пример для их не больно хороший, а вот ты да. Ходишь голову задрал, барыня-барыней, и серьги в ушах золотые, и всё остальное... Не думают, что ради квартиры с пропиской годов до сорока, а то и больше в общагах промытариться придётся, да где-нибудь рельсы-шпалы укладывать, или на каком вредном производстве. А уж про всякие ударные стройки и не говорю, там и работать-то никакого смысла нету, никто с той работы по честному не разбогател, не осчастливился, только здоровье до сроку гробили.

– А что здесь, в колхозе? Там вам хоть, платили, а тут?

– И здесь хорошего мало... Но, понимаешь, тут родина наша, дома, в которых росли, есть где душой отойти, не то что в бараке или общаге какой... А так-то, конечно, и тут тоже, она, как ни работай, уважать не станут и лишку не заплотят. Подходит как-то ко мне Пылаев, спрашивает, кого

на колхозную доску почёта от бригады подавать будешь. Я и скажи, что лучше всех Талька Пошехонова работает, так он аж рассмеялся. Больше такого никогда не говори, а то самого дурачком посчитают, раз слабоумную на Доску выдвигаешь – так и сказал. И опять от нас на доске завфермой Комарова будет красоваться, потому как партейная. Сколь я с ней, с сукой нервов погробил, да и отец твой, дядя Иван знает, как она молоко-то разбавляет. Сколь ему на заводе срама выслушать пришлось, когда разбавлено привозил.

– Да я знаю, тятя говорил... Только ты его Миш не неволь, он тебе не помощник с Комаровой лаяться. Сам знаешь, какой он у нас.

– Вот то-то и оно, все тут... не помощники, один я Илья Муромец.

– Не знаю Миш... каждый год приезжаю, а уж и не пойму, что в деревне творится. Раньше-то вроде не было такого. Или малые мы были, не знали... ну сено там всегда приворовывали колхозное, или овёс, по мелочи для своей скотины, но чтобы молоко разбавлять прямо на ферме, чтобы план перевыполнить...

Михаил помолчал, покусывая травинку, что-то вроде обдумывая. Лиза заговорила вновь:

– А насчёт Тальки... Знаешь, и в самом деле, не надо её на Доску.

– Ну, почему же не надо-то? Работать за мужиков, это значит ей можно, а как на Доску, так слабоумная! – Михаил по-

высил голос.— Ты ж её с малых лет знаешь, какая же она слабоумная? Странная конечно, но не дурней многих тут у нас.

— То так конечно, просто с чудиной она. Она какая-то в себе вся, не по сторонам, как все люди, а внутрь себя глядит, и что вокруг делается, жизни-то и не видит. Болезнь это Миш. У нас ведь тоже отец... ну ты знаешь, с чудиной, с другой правда. А уж как нам перед сторонними стыдно за него бывало. А уж мама, так больше всех мук приняла. Вон мать-то у нас какая, а отец? А ты говоришь, хороший мужик... то, что не пьёт да не дерётся, то ещё не всё...

— Да брось ты Лиз. Как печати какие ставишь, нормальный, ненормальный, с чудиной ли, без ли. Да если присмотреться получше, поди в каждом кака чудина найдётся. Только вот почему-то водку или самогонку жрать на работе, это у нас чудиной не считается, или там, молоко разбавлять, дрова, сено воровать, а вот если работать как лошадь, или как твой отец детей всё жизнь жалеет, так это значит чудина.

— Не знаю Миш, спорить не стану. Мать у нас тоже на работу злая, её же никто малохольной не считает. Нет, с Талькой тут другое. Баба она верно, पहले всего бабой должна быть. Ты вон с Верой со своей развёлся, потому как семейного в ней ничего не было. Ну а Талька... ну какая она баба, ни то ни сё. Да и вид, лапы, плечищи, хорошо хоть молчит, если бы рычала, так и впрямь, медведица настоящая.

— Да уж, что есть, то есть,— Михаил усмехнулся припоминая.— Тут у меня стычка случилась с Васькой Митиным и

Егором Скворцовым. Напились они на клевере, а я не сдержался, да и отвалтузил их маленько. Слышала небось?

– Слышала. Про то столько уж наговорили, не поймёшь, что врут, а что взаправду говорят. Только, думаю, врёт Мельничиха, что Талька на Ваську обниматься кинулась.

– Конечно врёт, что ты её не знаешь, метёт как помелом... Я и сам удивился, что встряла она, Талька-то. Понимаешь, мужики все рты поразинули, а она подсобила.

– Ой, Миш, а я ещё слышала, что вроде с вилами на тебя Васька-то пёр... Неужто?– с тревогой спросила Лиза.

– Не знаю Лиз, сам не видел, то ведь за спиной у меня было. Я ж Егора как раз валтузил. Какие-то вилы там валялись рядом, но точно не скажу. А спрашивать, кто видел... знаешь, как-то неудобно.– Михаил на мгновение собрал морщины на своём широком лбу, что-то осмысливая, но тут же отмахнулся, как от наваждения.– Так вот, стал я Тальку-то от Васьки отдирать, поверишь, вот так за руку взял,– Михаил для наглядности взял Лизу за руку выше локтя,– а там не рука, камень, мускулы сплошняком, еле отодрал.

– Миш пусти, больно... Я ж тебе не Талька,– Лиза игриво с улыбкой высвободила руку.

– Прости, забылся,– Михаил виновато заглянул Лизе в глаза, и, убедившись, что она не сердится, продолжил.– Она с каких уж лет как мужик вкалывает и в поле и дома. Это ж какая тренировка, похлеще чем у спортсменов... Ты что

руку-то трёшь, неужто всё ещё больно?

– А ты как думал. Привык, небось, тут с деревенскими, они-то чай все как кобылы. А я женщина нежная, городская. Во посмотри синячище какой будет, Лиза закатала рукав кофты.

– Ты гляди, и всамделе... Как же это меня угораздило? Тебе ж теперь и кофты без рукавов не одеть, мать-то, чай сразу углядит, – искренне сокрушался Михаил

– Без рукавов, без рукавов... Как мне в баню-то теперь, смотри сколь наставил? – Лиза с притворным недовольством подняла юбку, чуть приспустила лыжные брюки, и там, на глянцевої белизне бёдер, в местах не тронутых загаром показала темноватые отметины от пальцев Михаила. – После Тальки тебя вообще к мягким бабам подпускать нельзя, – в голосе Лизы послышалась ревность и Михаил это почувствовал.

– Ну, ты тоже скажешь, какая Талька, я вообще после Веры ни с кем, с тобой вот с первой.

– Так я тебе и поверила, небось все девки на деревни к твоим услугам?

– Да пошто они мне Лиз, малолетки эти, они ж дурочки ещё совсем. Ходят, вона, беретки синие оденут, все как одна, да ещё взяли моду песни хором распевать, что по радиотрансляции наслушаются. Слышала, что сполняют-то, нонешна молодёжь... ну, что есть сила и воля у них, чтобы стать героями нашего времени? – с иронией спросил Михаил.

– Ой, Миш, слышала,– Лиза зашлась в тихом смехе, повалившись спиной на шалаш...– Я как первый-то раз услышала, чуть со смеху не померла. Мама смотрит и не поймёт, что со мной. Чуть, не каждый вечер, говорит, сейчас такое поют, что по радио услышат, слова перепишут и поют хором. Кому в Москве вот так сказать – не поверят. В городе-то думают, что как в старину, народные да частушки. В Москве сейчас все про медведей поют, из кинофильма "Кавказская пленница", а мне больше старые нравятся, "Ландыши" например. Но про этих героев, наверное, кроме радио вот только здесь и услышишь, совсем свихнулись, такое на посиделках петь.

– А ведь знаешь Лиз, оне меня тут и взаправду за того самого героя принимают, девчонки-то эти. Как-то даже в Воздвиженку, в школу нашу приглашали выступить перед старшеклассниками, как участника ударной стройки и так далее. Так я отказался, де занят, да говорить не умею. А что мне им сказать-то было, дескать, езжайте ребята и девчата? А потом бы они меня в том, что жизнь им поломал обвиняли. Правду сказать, тоже не могу, в партию вот поступил.

– А вот это ты Миш верно сделал, молодец, партийному всегда легче прожить. Мне свёкр тоже советует, и рекомендации пообещал собрать, иначе двигать не будут. А тебе сейчас только и остаётся в колхозное начальство пробиваться, и ещё учиться поступай, заочно в сельхоз...

– Да брось, какое начальство, тут вон с бригадой не справиться.

– Это с бригадой, а там-то чем выше начальник, тем легче работать, это везде так. Вон Пылаев Иван Сергеевич, бригадиром-то был так себе, ума в нём не много, хитрость одна, да билет партийный в кармане. С четырьмя классами, а в замах у председателя ходит, поплёвывает.

– Да знаю я всё это Лиз. Нутром-то понимаю, что прино-
ривиться как-то надо, а уж и бригадирство это надоело, каж-
дый день лаяться да нервы трепать, поперёк горла всё. Я ведь
больше всего семью завести хочу, жену, детей. Поверишь,
хоть и не мальчик давно, а мечтаю... Ох как вспомню, что
уже четвёртый десяток пошёл, а я всё жених...

– Да что ты Миш о годах-то переживаешь, вам мужикам
и в пятьдесят женихаться можно.

– Да перестань... я ж серьёзно. Женихаться-то можно, а
невесту по душе, где и как сыскать, я то уж битый, на воду
дую... – в голосе Михаила слышалось отчаяние.

– А таких, как ты хочешь, может и нет вовсе, что тогда,
век не женишься?

– Как нет? Есть... вот она сидит... Если одна есть, может
и ещё сыщутся, а Лиз? – Михаил спросил тихо, почти с моль-
бой.

Лиза смутилась и молчала, не зная, что сказать. Она была
и польщена и сбита с толку одновременно. Но Михаил ждал
ответа.

– Ох Миша, Миша, бедный ты мой. Уж и не знаю... может
по другим деревням. А у нас тут нет никого, только сопляч-

ки, да вот Талька одна незамужняя осталась.

– Опять насмехаешься... Какая Талька, что ты? Как работницу я её очень уважаю, но мне же жена, баба нужна... А уж я бы ей богу... Она бы у меня дома сидела, в поле ни-ни, ни на какие работы не пускал бы, только по дому и в огороде, чтобы вечерами с работы меня ждала. И ни на какой там лён или сенокос, справку бы достал, что больная. Она бы у меня за детьми смотрела да в огороде как ты загорала... – Михаил осёкся под горестным взглядом Лизы, увидел слезу катящуюся по её щеке. Он замолчал, стиснув зубы, словно боясь, что если они разожмутся с его языка опять сорвётся какая-нибудь нереальная для колхозной действительности фантазия. Помолчав, и, видимо, желая уйти от только что охватившего его наваждения, он заговорил уже другим тоном:

– А Талька, что Талька... жалко её... Но её же и в самом деле, как у нас в роте старшина говорил, и бурый медведь не захочет.

Лиза, услышав последние слова, сразу обмахнула слёзы и, перегнувшись уже вперёд, вновь зашлась в приступе смеха:

– Оох, ох хо-хо... не могу... бурый медведь, ха-ха... ну сказал... ха-ха... Когда Лиза успокоилась и снова вытерла, уже от смеха выступившие слёзы её голос звучал весело и звонко:

– Ох, не знаю, а я бы на её месте просто жить так не смогла, чем так, лучше повеситься...

Не всё отчётливо доходило до ушей Тальки из долгого разговора Лизы и Михаила, да и из того, что улавливала, понимала она далеко не всё. Многие о "Большой жизни", что текла вне её, мимо, она узнавала впервые. Но слова, выражавшие мнение о ней самой, она расслышала хорошо. Любовники, как нарочно, произносили их громко и внятно.

Талька, конечно, чувствовала, что живёт как-то не так, но по-другому она просто не могла – так уж всё в ней сложилось. Она притерпелась, не реагировала на подначки, придирки, чем вызывала иной раз ещё большую неприязнь... Но то ведь просто плохие люди, злыдни. Были ведь и другие, кто никогда не задевал её, не насмехался, кто относился к ней как к нормальной... так ей казалось. И Лиза никогда не сказала ей плохого слова, а Михаил... Ведь все последние дни она только о нём и думала...

Талька больше не слышала, что говорили внизу – последние фразы, его и её, засели в мозгу, гулом стоял в ушах их весёлый, непринуждённый смех. Она уже без отголоска чувств наблюдала прощальные объятия и поцелуи, уходящего, крадущегося задами огородами Михаила, спешившую в дом, проведать сынишку Лизу.

Талька очнулась от столбняка, когда внизу уже никого не было и стало вдруг темнее – на Луну напозли те самые тучи,

что располагались в начале ночи на самом краю горизонта. Она спустилась с сеновала, пошла на скотный двор, теплоты хлева не ощутила, зато сразу различила в темени белеющую струну бельевой верёвки, натянутую рядом с загородкой, где широко разлеглась, совмещая сон-дрёму с ленивым пожёвыванием, корова. Овцы тоже не отреагировали на появление Тальки, лишь одна из куриц на насесте захлопала было крыльями, но и она быстро успокоилась.

На эту верёвку Талька вешала бельё, когда на улице шли обложные дожди, в основном по осени. Попробовала верёвку на прочность – всё надёжно, она сама привязывала её тройными узлами и натяг был околопредельный. Правда, оказалось несколько высоковато, подбородком не дотянуться. Пришлось зайти за загородку, в хлев, там, в углу стояла скамеечка, на которую Талька садилась во время дойки. Со скамейки оказалось как раз. Талька попробовала, задохнулась, чуть оттянула верёвку, набрала зачем-то побольше воздуха... Последнее, что промелькнуло в сознании с одновременным отталкиванием скамейки, что утром никто не подоит Зорьку...

Зорька напомнила о себе в шесть утра, когда пастухи сгоняли деревенское стадо. Её истошное мычание напоминало рёв. Впервые с тех пор, как стала давать молоко, её не подоили вовремя, и она от этого испытывала непривычное неудобство и никак не хотела с ним мириться. Раздражало Зорьку

и то, что на улице уже во всю слышалось призывное мычание и хлопанье пастушьих кнутов, а никто не приходил и не снимал щеколду-бревно, не открывал ворота. От зорькиного рёва всполошились, заблеяли овцы, сверху зашумели куры, чаще обыкновенного кукарекал петух.

Тётка Пелагея проснулась от этого "концерта" в неважном состоянии – она давно уже не поднималась в такую рань.

– Тальк... Талька!?!– позвала она. Никто не откликнулся, коровье стадо проходила мимо, под окнами, а Зорька продолжала надрываться в хлеву. Пришлось Пелагеи слезть с печи.

– Тальк!?!... Где ты тама, лихоманка тебя задери... што корова-то орёт... не подоила ишшо штоль, проспала халда... да где ты тама?!

Она увидела Тальку стоящую внизу, неподалёку от хлева, в какой-то неестественной прямизне. Почуввав неладное, Пелагея закрестилась мелким крестом и на негнущихся ногах стала спускаться по лестнице к хлеву...

Если бы в Зубарихе имелся приход, поп наверняка запретил бы отпевать Тальку – самоубийц не отпевают и не хоронят на кладбище вместе со всеми. Но в Зубарихе никогда не было церкви, а в Воздвиженском её закрыли в тридцатом году. Потому местные, помнящие веру старухи тяжесть этого решения взяли на себя, и как смогли отпели Тальку. Она лежала в избе, а старухи, среди которых выделялась прон-

зительным фальцетом бабка Лукерья Скворцова, исполняли тут же соответствующие песнопения.

На деревне оживлённо судили и рядили, что дёрнуло Тальку ни с того, ни с сего повесится. Большинство сходилось на том, что довела её мать, совсем заездив дочь. Про то говорили за глаза, а старухи побойчее не стеснялись и в глаза. Пелагея не знала, как увёртываться от вдруг обрушившихся на неё напастей: похорон, хозяйства, от которого успела поотвыкнуть и, самое страшное, всеобщего осуждения односельчан, даже вчерашних приятельниц, сиделиц на завалинках. Так что дальнейшая жизнь у Пелагеи вырисовывалась такая, что впору самой в петлю.

На похоронах Михаилу, как местному начальнику пришлось принять самое деятельное участие: лошадь, телегу везти гроб до кладбища в Воздвиженское, покупка и доставка самого гроба – всё делалось через него. Они с Лизой были крайне осторожны, ничем не выдавали своих взаимоотношений, на людях разве что здоровались. Но при выносе тела, увидев посиневшее лицо покойницы, они не сдержались, во взаимном неуправляемом порыве столкнулись взглядами, в надежде там, в глазах друг у друга прочесть ответы на, до боли мучившие их обоих, вопросы...